

The background of the cover is a photograph of the Moscow Kremlin. The main building, the Grand Kremlin Palace, is visible with its green roof and white walls. Several golden domes of churches and cathedrals are prominent against the sky. In the foreground, the Moskva River flows, and a white and blue passenger boat is moving towards the viewer. A bridge is visible in the middle ground, crossing the river. The overall scene is captured in a slightly hazy, historical style.

Роман Булгар

Обрученные судьбой

На Переломе
Книга вторая

Роман Булгар

**Обрученные судьбой.
Книга вторая. На переломе**

«Издательские решения»

Булгар Р.

Обрученные судьбой. Книга вторая. На переломе / Р. Булгар —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831434-6

Продолжение истории главных героев трилогии «Офицеры». Они своими глазами увидели, как развалили их огромную страну. По воле правителей они оказались по разные стороны границ. Книга о том, как жили люди в то время, когда всем правил Великий Развал, когда они все по воле судьбы оказались на жизненном Переломе. Армии, в которой служили советские офицеры, более не существовало. Не стало страны, которой они все присягали. И отыщет ли наш герой свое место в новых реалиях их быстро меняющейся жизни...

ISBN 978-5-44-831434-6

© Булгар Р.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
1	7
2	12
3	23
4	29
5	35
Глава вторая	43
1	43
2	48
3	59
4	66
5	77
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Обрученные судьбой

Книга вторая. На переломе

Роман Булгар

© Роман Булгар, 2016

ISBN 978-5-4483-1434-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Народная мудрость гласит: чтоб стать женой генерала, надо выходить замуж за лейтенанта и помотаться вместе с ним по всем дальним гарнизонам. Они стали мужем и женой, когда он учился на втором курсе военного училища.

Когда ей присвоили очередное звание «капитан милиции», ее супруг все еще носил лейтенантские погоны. Блестящей карьерой похвастать он не мог...

Книга о том, как жили люди в то время, когда всем правил Великий Развал, когда они все по воле судьбы оказались на жизненном Переломе. Трудно пришлось тем, кому довелось жить в эпоху революционных перемен.

Нелегко было им отыскать смысл их существования, утерянный в хаосе всеобщего умопомрачения. Жернова времени перемололи тысячи судеб.

Продолжение истории главных героев трилогии «Офицеры». Им «повезло». Они своими глазами увидели, как развалили их огромную страну. По воле правителей они оказались по разные стороны границ.

Их семью по живому раскроили безжалостные ножницы судьбы. Муж уехал служить в Россию, а жена с дочкой осталась жить на Украине...

Армии, в которой служили советские офицеры, более не существовало. Не стало страны, которой они все присягали. И отыщет ли наш герой свое место в новых реалиях их быстро меняющейся жизни...

И война на Кавказе, кровавая, жестокая, непонятная и бессмысленная...

Глава первая

Кому война, кому мать родная...

«Если говорить по отдельности об этой войне, о разных там операциях, вроде бы все понятно. А вот все собрать вместе, связать, чтобы всякое лыко в строку – это уж, видно, дело... ученых. Одно только хочу сказать, не хотел я воевать, да вот и после войны героем себя не чувствую, хоть и наградами осыпан. Так что, беспутное это дело война».

Таус А.

1

Цепь из разноязычных боевиков туго сжималась, подходила все ближе и ближе. Ясно доносились отдельные отчетливые выкрики.

Когда оставалось метров сто, майор поднес к себе трубку:

– «Дон», я, «Урал», цель одиннадцатая... огонь!

Его дивизион, как хорошо отлаженный механизм, сработал четко и не подвел своего командира. Через сорок секунд земля вздыбилась...

Огневой налет длился десять минут. Дивизион самоходных 152-мм гаубиц 2С19 «Мста-С» выпустил по цели 144 снаряда, смешал все живое и неживое. Участок дороги над ущельем Шайтана превратился в сущий ад. А потом на несколько мгновений все до звона в ушах смолкло...

Жаркие языки пламени лизали догоравшую бронетехнику. Дымно чадили полуобгоревшие остовы боевых машин. В неестественных позах валялись трупы. Смерть, казалось, никого вокруг не пощадила...

Вперемежку с бойцами федеральных сил, словно споткнувшись об невидимую преграду, рухнули на землю сраженные осколками наемники и легли рядом с теми, против кого вели ожесточенный бой. Смерть их всех уравнила и навечно успокоила. Накрыв своим покрывалом, она их будто примирила, оптом разрешив все земные и бранные споры...

Словно из-под земли раздался негромкий стон. Чуть шевельнулась засыпанная щебнем рука. Согнулись почерневшие пальцы. Дрогнули и приоткрылись опаленные ресницы, обнажили покрасневшие болезненно усталые, повидавшие смерть зрачки.

С усилием оттолкнувшись от каменного выступа, боец приподнялся, невидяще уставился в глубокую расщелину, спасшую ему жизнь. Из его правого уха вытекала алая струйка, густела, перемешиваясь с грязью, земляной и пороховой пылью, чернела.

– Эй, есть кто живой? – изо всех сил выкрикнул он, но не услышал собственного голоса и недоуменно повел непонимающим взглядом.

Как во сне, над его головой беззвучно пролетела пара вертолетов огневой поддержки, выпустила дымные шлейфы управляемых ракет.

– Где же вы были-то раньше?! – боец с укоризной покачал головой.

И он со своей невысокой колокольни рядового от пехоты прекрасно понимал, что появиться «вертушки» вовремя, ужасающе страшной беды с ними бы не случилось, остались бы живы его друзья и товарищи.

Совершив крутой разворот, вертолеты пошли на второй заход.

– Гады, получайте! – пилот нажал на гашетку, приводя в действие 30-мм автоматическую пушку.

Наемники, оставшиеся в живых после убийственного артналета, в рассыпную уходили по склонам горы. Иорданец Али тащил за собой быстро теряющую силы девушку, их лучшего снайпера. Леся ранили в плечо во время перестрелки.

– Брось ты ее! – послышалось шумное дыхание Саида абу Ахмеда, полевого командира, приведшего с собой один из отрядов. – С обузой нам далеко не уйти! Русский спецназ пойдет по нашим следам...

Не разобрав арабскую речь, Леся настороженно переводила взгляд со своего спасителя на того, кто, как она догадалась, говорил именно о ней. И девушка шестым чувством смекнула, про что у них зашла речь.

– Украинка! – иорданец притормозил под разлапистой кроной. – Послушай меня! Сними форму с себя, надень платье. Документы у тебя в порядке. Скажешь федералам, что захватили тебя на горном перевале пару дней назад, удерживали в заложниках. Свою легенду ты знаешь...

Оттолкнув девушку от себя, не дав ей сказать и слова ему в ответ, Али, не оставляя ей надежду, быстрым шагом стал быстро удаляться.

С трудом расшнуровала Леся армейские ботинки, кряхтя, стянула с себя защитные штаны. Она нагнулась, чтоб порыться в своем заплечном рюкзаке, где хранила гражданскую одежду. И в этот момент шумное сопение оглушило ее ухо. Сильные руки обхватили под расстегнутой курткой девичьи груди, больно сжали их. Здоровенная и тяжелая туша стальным бульдозером толкала ее к стволу дерева.

– Не балуй! – зло выкрикнула девушка, выгибаясь в спине. – Али!

– Твой Али далеко! – рассмеялся насильник. – Он тебе не поможет!

Услышав клекочущий голос, Ищенко легко распознала говорок с сильным южнорусским акцентом. Он принадлежал мужичку со степей, граничащих с Крымом, по сути, ее землячку.

– Я федералов, сучья подстилка, не боюсь. Скажу им, что бандюки меня насильно с собой таскали. А тебя, цыпочка, будешь рыпаться, сдам. Они с радостью пустят тебя в расход...

Ослабив свое сопротивление, притворно обмякнув, Леся в обмен заполучила временную передышку. Тиски ослабли, и она развернулась.

– Панас, договоримся, – через силу улыбнулась Ищенко и покорно опустилась на колени. – Ты да я – одна кровь...

Наивно полагая, что своими доводами окончательно сломил девку, раздавил ее волю, мужик на одно лишь мгновение расслабился, потерял концентрацию, за что он незамедлительно поплатился.

Выхватив острый тесак из ножен, болтавшихся на брючном ремне землячка, Леся натренированным движением воткнула сверкнувшее на солнце лезвие в живот Панаса.

– Получай, упырь! – мстительно выкрикнула она.

Откинувшись на землю, девушка в изнеможении прикрыла глаза, собиралась с новыми силами. До появления федералов ей предстояло переодеться, избавиться от формы и уйти подальше от гиблого места...

Прибытие высокого начальства на пункт управления огнем того дивизиона, что вопреки запрету на открытие огня шквалистым смерчем обрушился на дорогу возле Ущелья Шайтана, вылилось в страшнейший разнос. Генерал Буров приказал отстранить от командования начальника штаба дивизиона и забрал капитана с собой.

Поднявшись по лесенке на борт вертолета, Буров усадил капитана напротив своего кресла, устроил начштабу артдивизиона фирменный допрос с пристрастием, выпытывая все малейшие подробности.

– Я тебя, сучий потрох, под суд отдам! – грозился генерал, бешено вращая красными зрачками. – Погоны свои снимешь...

Железные «стрекозы» одна за другой легко оторвались от земли. Не прошло и пяти минут, как они зависли над Ущельем Шайтана.

– Девять кругов ада! – присвистнул порученец генерала. – В кино эдакого кошмара вам не покажут...

Внизу, как в разворошенном муравейнике, копошились человечки. Людишки в камуфляже разбирали завалы и нагромождения камней.

Бойцы отделяли своих погибших товарищей от боевиков, разносили их тела по разным сторонам, аккуратно укладывали.

– Кажись, дышит... – недоверчиво моргнул солдат и приник головой к окровавленной груди майора.

Гусеничные тягачи растаскивали обгоревшую технику, расчищали проход по дороге. Угрюмый техник роты автогеном резал заклинивший люк почерневшей БМП. Внутри боевой машины сидели обгоревшие трупы. В своих правых кистях бойцы сжимали искореженные

пламенем автоматы. До самого последнего мига солдаты не знали, что мгновения их жизни сочтены, безжалостно укорочены подлым предательством.

– Осторожно... осторожно! – вскрикивала сестричка с огромными жалостливыми глазами. – Не трясите носилки! Экие вы неумехи...

Инженерный минный разградитель на базе основного танка Т-80 своим безжалостным стальным ножом играючи сплющил обгоревший до неузнаваемости остов БМД, придавив навечно выведенную из строя боевую машину десанта к отвесной скалистой круче.

– На металлолом... – тяжело вздохнул зампотех батальона. – Ремонту и восстановлению не подлежит...

Выплывая обгоревший до самого мундштука окурок, сержант из контрактников, сожалея о понесенных потерях, покачал головой:

– Столько техники почему зря угробили!

Его товарищ, не раздумывая, охотно поддакнул:

– И не говори!

Резко обернувшись, зампотех возмущенно выдохнул:

– Нашли, что жалеть! Этой рухляди давно место на ржавой свалке! Люди... людей жалко... их уже не вернуть...

Соглашаясь с капитаном, сержант зло рубанул:

– Суки! Сучья война! И никто и ни за что не в ответе...

– Во всем виноваты «чехи»!

Усмехнувшись, зампотех поправил кепку, оглянулся вокруг.

– Виноват тот, кто развязал эту войну.

– «Чехи» ее развязали! – с уверенностью приговорил сержант.

– А вот это, ребятки, вовсе и не факт...

Насколько капитан понимал, те, с кем воюют федералы, всего лишь орудие в руках жаждущих власти и наживы людей, чьи лица постоянно мелькают на экранах телевизоров, и никак на них и не подумать-то.

Поковырявшись в носу, боец недоверчиво хмыкнул:

– А чё, выходит, ее наши генералы почали?

– Они – пешки. Ты бери выше и по сторонам дальше. Думай, кому эта бойня выгодна. Враз все и сам сообразишь...

Переважив услышанное им, сержант прищурился в попытке поймать офицера на явной провокации:

– А нам говорили, что кругом исламисты и фундаменталисты. А за ними высовываются Америка и Турция с Англией.

– Эти акулы империализма – само собой. У них тут свой интерес. У каждого, правда, свой. Но в одном они все сходятся. Чем хуже нам всем, тем лучше им. Главное – нагадить, а что потом – вопрос последний...

Сорвав с себя защитный комбинезон, Леся накинула на тело легкое платье, натянула узкие и до щиколоток штанишки. Скромненько оделась Ищенко. Именно так выглядели местные женщины. Припрятав в кустах обмундирование, девушка sprыснула на ветки с баллончика, направила газовую струю на подошвы своих легких, немного стоптанных туфелек.

Резко выпрямившись, Леся почувствовала легкое головокружение. Перед глазами все поплыло. Пришлось ей зажмурить глаза, отдышаться. Постепенно вернулись звуки леса, приближающийся рокот вертолетных движков, учащенное сопение Панаса.

– Украинка, не уходи! – слезно умолял девушку недавний соратник по ожесточенной борьбе с федеральными силами.

– Сдохни ты, упырь! – наемница зло сплюнула и в нерешительности оглянулась по сторонам, лихорадочно нащупывая пути отхода.

Спасительное решение пришло само, спонтанно. Леся развернулась и пошла навстречу облаве, слегка забирая вправо, стремясь выбраться к дороге, уходящей от Ущелья Шайтана. Выкарабкавшись на щебенистый и неровный, усеянный свежими воронками путь, девушка перевела дух. Без сил она опустилась на землю. Лицо ее страдальчески перекошилось. Страшно болело раненое плечо. Рукав сильно намок, весь покраснел.

Спохватившись, Леся надорвала его зубами в том самом месте, где в плечо вошла пуля. Пальцами выдрала клоч материи, чтоб никто не смог догадаться, что в момент ранения она ходила в другой одежде...

Выполняя широкий разворот, боевой вертолет завис над одиночной фигуркой, сгорбленно сидевшей посреди дороги. Буров поднес к глазам мощный армейский бинокль с двенадцатикратным приближением.

– Садимся! – приказал генерал.

Выбрав площадку, пилоты мастерски посадили боевую машину в ста метрах от сжавшейся в скорбный комок Леси. Напрягаясь внутри, но внешне спокойная, девушка безучастными глазами взидала на то, как к ней спешат приближающиеся шаги в военных полуботинках.

– Что с ней? – будто издалека услышала она чей-то властный голос и медленно повернула голову.

В двух шагах от нее стоял невысокий и плотный коренастый мужик с волевым взглядом. На его погонах защитного цвета тускло желтело по одной генеральской звездочке. Мимолетно подумалось, что ей, должно быть, повезло, что это ее единственный шанс выбраться из передраги, в которую она угодила по собственной наивности и неопытности.

– Сквозное ранение в плечо. Большая кровопотеря...

– Забирайте ее на «борт»...

Разгоняясь, завертелись лопасти. «Вертушка» оторвалась от земли. Стремительная тень заскользила по горным ущельям.

Два взвода десантников, доставленных на вертолетах, прочесывали местность с западного склона. Усиленные отряды спецназа двигались с севера и с востока, стремясь взять бандитов в кольцо, зажать их в тиски, насмерть раздавить сепаратистки настроенных фундаменталистов.

– Братцы, братцы! – вымученно улыбаясь, Панас протягивал руки к двум бойцам, наткнувшимся на окровавленного человека в гражданской одежде, по внешнему виду не похожего на боевика. – Я свой, свой!..

Сержант по радиации вызывал санитаров с носилками. Его напарник машинально достал флягу, сделал небольшой глоток.

– Пить! – прошептал раненый, мучимый страшной жаждой.

– Тебе нельзя! – десантник качнул головой. – Ранение в живот...

Сочувствующая улыбка скользнула по губам много повидавшего на своем еще коротком веку солдата. Воды-то ему не жалко, да...

Истекающего кровью мужчину доставили в полевой госпиталь. В момент вскрытия брюшной полости усилилось кровотечение из сосудов, поврежденных острым лезвием ножа.

– Не спи, подай! – хирург глазами показал зазевавшейся медсестре на лежавший на столике инструмент. – Отсос!

Пока подключали электрический прибор, специальным черпаком из набора для реинфузии майор собирал скопившуюся в брюшной полости кровь в стерильную банку.

– Не выживет... – поплыло тихим шепотом за занавеской.

– Много крови бедняга потерял! – вздыхали сестрички.

– Цыц, сороки! – прикрикнул на них хирург. – Зажим!

Двумя пальцами он прижал поврежденный сосуд к позвоночнику.

– Тампон! Еще зажим!..

В соседней палатке вполголоса ругались интенданты.

– Ты, Семен, какого хрена отдал в операционную цельную бутылку со спиртом? Я те сколько раз говорил, что сначала ополовинь, разбавь, а опосля тащи им! Ты знаешь, почему нынче этот спирт идет? – человек в майорских погонах крикливо взвизгнул.

– Не ори ты! За стенкой операция идет...

Пережимая печеночно-двенадцатиперстную связку, врач временно остановил профузное кровотечение из печени.

– Зажим Сатинского!

На стенку поврежденного магистрального сосуда майор наложил боковой сосудистый зажим Сатинского.

– Тампон!

Течь не остановилась. Истонченный сосуд не выдержал кровяного давления, лопнул чуть ниже.

– Диссектор!

Быстрыми движениями военврач мобилизовал сосуд при помощи диссектора выше и ниже повреждения, перекрыл его просвет, обмотав вокруг сосуда и затянув на зажиме круглые резиновые держалки, взял на турникет. Крупные капли пота выступили на мужском лбу.

– Глаза!

Уловив желание врача, девушка быстренько промокнула салфеткой стекающую к переносице солоноватую влагу.

– Ух! – операционная сестра облегченно вздохнула.

– Иглу!

Рану сосуда ушили синтетической нитью на атравматической игле. Перед ревизией брюшной полости хирургическая бригада произвела высушивание и новокаиновую блокаду брыжейки.

– Шприц!

Не вынимая иглы, меняя одни шприцы, майор ввел двести кубиков 0,25% раствора новокаина...

Окончательно Панас Загоруйко пришел в себя в общей палатке для рядового состава. Он лежал на койке с прикрытыми глазами, делал вид, что спит. На самом деле мужик внимательно прислушивался к тому, о чем болтают бойцы, по крупицам выуживая нужную ему информацию. О его истинной роли в отряде боевиков никто пока не догадывался. А с утра их всех собирались перевозить в стационарный госпиталь.

2

Небольшой аул удобно расположился возле шоссе, проложенного в годы развитого социализма. Селение заложили дорожные строители. Именно они поставили первые дощатые домики. Рабочие ушли, а возле их строений, в основанном ими поселке, один за другим выросли дома, добротные, из хорошего кирпича, двухэтажные, с мансардами...

Высокий мужчина с густой черной бородой, закрывающей почти все его слегка удлиненное лицо, по-хозяйски толкнул железную дверь, прихрамывая, зашел во двор. Возле ворот стоял темно-серый джип.

– Заждался! – бородач ласково провел ладонью по его блестящему капоту. – Извини, дорогой, дела задержали...

На шум заработавшего двигателя из дома выглянула миловидная в низко повязанном платке женщина и радостно заулыбалась:

– Аслан, наконец-то! Стреляли! Я страшно перепугалась за тебя! Думала, что с тобой худое стряслось!

– Пустое, Хадиса. Дела задержали...

Почесывая бороду, мужчина отвел глаза в сторону, будто попытался оглянуться назад, снова проделать весь свой долгий во времени путь...

Высокие горы и чистый прозрачный воздух обманчиво скрадывали все расстояния. Многим людям, стоявшим у подножия уходящей вверх кручи, казалось, что до вершины рукой всего подать, а вот на деле сам подъем отнимал немало времени и сил.

Покидая горный аул в сильном раздражении, Аслан долго стоял за околицей. Ему крайне не понравилась решимость соседки выкупить у него невольников. Его беспокоил не сам факт их возможной сделки. Он никак не мог взять в толк, откуда у бедной женщины наберется столько денег. Незнание своей непонятливостью тревожила и изводила. От злосчастной Замиры, потерявшей на войне мужа, стоило всего ожидать.

От греха подальше угрюмый бородач решил все ж избавиться от настойчивой нищенки, как только ему представится удобный случай.

– Сдаст еще сучка федералам, – процедил Аслан сквозь зубы, и его всего передернуло при одной этой мысли. – Удавить и псам на корм...

На небольшой лужайке паслась отара овец. Худющий пастушок в правой руке держал цепь, сковывающую его ноги. Рядом с ним, высунув длинный розовый язык, разлегся огромный волкодав.

– Бездельник! – безжалостная плетью больно хлестнула по прикрытой рваными лохмотьями мальчишеской спине. – Бараны всю траву начисто поели! Гони их дальше, дармоед! Забью до смерти, паршивец!

Пригибая спину, бедный Юрок засеменял, ступая по острым камням израненными в кровь голыми ступнями, россыпью оставляя за собой алые капельки. Жгучая плетью подгоняла его, заставляла спешить.

Выместив на мальчонке всю скопившуюся злость, горец пристально смотрел, как удаляется протяжно блеющее стадо.

– У, шайтан! – Аслан досадливо поморщился.

Спешно покидая свой дом-крепость, он позабыл взять документы. Шастать же без них по территории, контролируемой федералами, было небезопасно. Как с самого утра не заладилось, так и шло наперекосяк.

– Запору дивану! – сквозь зубы процедил горец.

Круто развернувшись, взъяренный бородач, возвращаясь, широкими шагами, привлекая ногу, заспешил к второпях покинутому им дому.

– Где она? – заорал он, толкнув от себя калитку.

– Я тебя предупреждала! Не тронь ее! – бесстрашно заступила ему дорогу Марьям. – Ты мне обещал!

Оттолкнув жену в сторону, Аслан прошел в дом. В комнатухе для прислуги, испуганно прикрыв головку ручонками, неподвижно сидела девчушка. Она безропотно ожидала своей неминуемой участи.

– На колени, дивана! – взревел бородач.

Вскрикнув, Анюта поспешила выполнить приказ хозяина. Она тут же бухнулась на пол, распростерлась ниц. Ее немая покорность остудила горца. Он лишь разок наискось хлестнул по девичьей спине. Рубашонка не выдержала. Худая материя расползлась, обнажая белеющее тело.

Проснулось дремавшее вожделение, разбудило неудовлетворенное желание. Бородач, ухватив девчонку за волосы, потянул ее к себе...

Когда горы отозвались эхом гремящего боя, Аслан проснулся, тихо лежал, прислушивался. Пытался он определить место, где столкнулись враждующие стороны. Поднялся. Неспешно оделся. Вышел во двор...

– К ужину не жди, – коротко бросил он жене.

Пройдясь по Марьям сумрачным взглядом, Аслан закрыл калитку и двинулся по кривой и узкой улочке...

Перевалив через вершину горы, мужчина тыльной стороной ладони вытер со лба капельки пота. Каждый раз, совершая нелегкий путь, он корил себя за то, что выстроил добротную домину на труднодоступном склоне скалы поистине себе на мучения. Отгрохал среди жалких лачуг двухэтажный особняк и огородил его высоким забором.

– Дурной башка ногам покоя не даст! – чертыхался Аслан.

Отмахав еще пару-тройку сотен шагов под легкий уклон, Асхадов повеселел и с ухмылкой попенял себя за собственную же слабость:

– Мой дувал – моя крепость...

Дом, который он отстроил для Марьям, своей первой и законной жены, с двух сторон надежно прикрывался скалой. С фланга прибежище надежно оборонялось забором метровой толщины. Бетонные стены его жилища запросто могли противостоять снарядам крупного калибра. А глубокий подвал способен был спасти от ракетного удара с воздуха.

– Вай, глупая женщина, – мужские губы разошлись в презрительной усмешке, – она думает, что я разбогател, продавая тощих овец...

Скорее всего, именно так думали и остальные жители аула. Никто из односельчан не догадывался, что его отара пасется на горных склонах больше для отвода глаз. И Марьям не знала, насколько разнообразен его бизнес и насколько он противоречит закону и нормам морали.

– Глупая курица! – мужчина досадливо поморщился.

Будь его воля, он давно избавился бы от надоевшей ему до смерти, раздражавшей его до спазматических колик женщины. Аслан, разведясь с нею, боялся нарушить вековые и незыблемые законы их веры.

К тому же, отец Марьям до сих пор занимал важное положение, к его слову почтительно прислушивались. Как и лет десять тому назад...

В далеком 84-м году Аслан учился на третьем курсе Московского института Народного Хозяйства. С поступлением в тот столичный ВУЗ помог парню его родной дядя по матери.

– Я заплатил, кому следует, – родственник напутственно похлопал племянша по плечу. – Поступишь. Больше ты на меня не рассчитывай. У меня своя семья, детишки растут...

В те еще времена конкурс на место на студенческой скамье в оном учебном заведении оказался не столь велик, и паренек из высокогорного аула, несмотря на все его скромные зна-

ния, успешно поступил. Педагоги закрывали глаза на все невразумительные ответы абитуриента, напротив фамилии которого в списках стояла галочка, выводили положительные оценки, достаточные для набора проходного балла. Они тихо заявляли:

– Плохо, молодой человек. Если бы за вас так не просили бы...

Студенческая стипендия не позволяла жить на широкую ногу, и Аслан сильно тяготился отсутствием наличных средств. Случай свел его с профессором Русланом Хайбулатовым. Земляки нашли много общих точек соприкосновения. Каждый имел свой интерес. Доктор наук искал в студенческой среде способных ребят, могущих в обозримом будущем стать для него поддержкой. Аслан приобрел себе защиту и иммунитет от всякого рода неожиданностей во время сессий.

Между словом выяснилось, что родной дядя молодого человека всучил взятку экзаменаторам не без помощи Руслана Тимрановича.

Безусловно, профессор прекрасно знал о бедственном положении своего студента и за чашкой чая доверительно посоветовал ему:

– Женитесь, Аслан, на приличной девице. С хорошим приданым и с крепким положением в обществе... Лучшее решение всех проблем...

Неглупый от рождения паренек намек понял. Практически про то же самое мамин брат периодически твердил ему при каждой встрече:

– Найди себе и умыкни девку. Женись на богатой дочурке важного «мандарина» и легко прокатишься по всей жизни...

Вечерело. Вагон раскачивало. Постукивали колесные пары. Розовый закат окрасил небо-свод. Со своей верхней плацкартной полки Аслан рассеянно следил за плывущими за поездом кучевыми облаками.

Белые пятна то растягивались, то сжимались, плавно меняли форму, превращались в узнаваемых зверушек. Затем их очертания смывались...

– Легко сказать... А ты попробуй, умыкни... Папашка ихний потом с землей сровняет за свою уведенную со двора козочку. Живьем шкуру сдерет с борзого козла. Ха-ха-ха... – парень смеялся сам над собой.

Мрачные мысли сменяли друг друга, роились, переплетались. Ему и хотелось, и кололось. Он боялся последствий. В их краях невест крали. Дикий обычай пришел из далеких времен. Советская власть, как могла, каленым железом выжигала рудимент, доставшийся ей в наследство от средневековья. Но у гордых гор на древние законы имелся свой взгляд.

Девушек по-прежнему умыкали. Частенько похищения происходили по взаимному согласию сторон. В ряде случаев родня невесты смирялась и шла на мировую. Случалось, что похитителей ловили и в назидание всем остальным и для острастки жестоко наказывали. По законам гор.

– Как бы боком оно мне не вышло... – протянул Аслан.

Глядя в окно, парень загадал. Если у ближайшего переезда увидит он запряженную повозку, то попытку по приезду домой предпримет. А ежели у шлагбаума остановится авто, то...

Смеркалось. Колеса застучали чаще. Раздался протяжный свисток. Мимо окна проскочил нерегулируемый переезд. Пусто...

Со стороны туалета ощутимо несло характерным запахом давно не убираемых мест общего пользования. Шустрый проводник накануне так набрался вина, что еще с вечера задрых в служебном купе, манкируя своими должностными обязанностями. Вагон накалился. Все окна были открыты. Проказливый сквознячок гонял по грязному, невытому полу серовато-желтоватый пух из перьевых подушек и семечковую шелуху.

– Земляк, выпьешь? – с нижней полки протянулась приглашающая рука. – Хороший человек ничего не жалко, да...

Внизу на узком столике развернули походную скатерть-самобранку. От вареной курицы, завернутой в фольгу, слегка пахивало. Копченая колбаска, извлеченная из газетного свертка, потеряла привлекательность и вызывала неприятные ощущения, близко сравнимые с брезгливым отвращением. Плавленный сырок «Дружба» грузно осел и расплылся.

– Садись, гостем будешь... – последовало новое предложение.

Когда плетеная баклажка опустела, сосед Аслана оказался в курсе всех его тревог и забот.

– Ты мне, как брат! – Шамиль широко улыбнулся. – Поможем...

Кого лучше всего выбрать ему в качестве потенциальной невесты, Аслан особо не задумывался. Давно на примете имелась у него одна прелестная девица, по которой парень временами украдкой вздыхал.

Год назад повстречал он на дискотеке юную девчушку с большими и выразительными глазами. С первого взгляда Аслан влюбился. Хотел парень подойти к ней и познакомиться, но его сразу предостерегли:

– Не лезь! Младшая дочка Мирзоева. Ей еще и шестнадцати нет...

И Аслан в тот вечер благоразумно отступил. Его испугал не юный возраст красавицы – в их краях ранние браки вовсе и не редкость – а ее сановный отец. Занимал Иса Мирзоев пост второго секретаря райкома партии и слыл крутым на нрав человеком...

– Вай! – попутчик громко рассмеялся. – Джигит такой не говорит. Какой разница, кто у нее отец. Важный шишка или пенек с ушами...

Как и обещал, Шамиль все устроил. Его бесшабашные дружки через день подкараулили Алию, которая только на днях окончила школу. На девушку, вышедшую из торгового центра, ловко накинули паранджу, плотно окружили. Праздная толпа ничего не заметила, так быстро все на ее глазах произошло. Прохожим могло показаться, что молодые люди столь весело забавляются. Они, громко разговаривая и смеясь, уводили пленницу к стоявшему рядом неприметному автофургону.

– Люди! Помогите! – взывала к прохожим Алия.

Девичий крик утонул. Он растворился в разноголосом гуле быстро перемешивающейся толпы. Его мгновенно заглушили и нивелировали нарочито громкие, бурно веселящиеся крики окруживших Алию парней.

– Эй, личико открой! – кривляясь, пропела уморительная рожица.

– Поехали, обмоем обновку! – взлетела вверх выразительная рука.

– Сегодня первый приз за тобой! – хлопнули звонкие ладоши.

Оглушенная и ничего не понимающая, Алия еще не успела прийти в себя, а ее везли в трясущемся кузове, зажали с обеих сторон крепкими и жилистыми мужскими руками. Во рту у нее торчал тряпичный кляп. Она замахала руками, призывая на помощь. Сидевший рядом парень сдвинул брови, предупреждая, прижал палец к своим губам:

– Ш-ш-ш! Тихо будешь сидеть, ничего с тобой не случится...

Как ни пыталась бедняжка понять, кто ее похитил и куда ее везут, это ей никак не удавалось. Машина петляла по узким и кривым улочкам, усеянным трещинами и многочисленными выбоинами, кружила, сбивала со следа возможную погоню.

Когда затрясло сильнее, Алия догадалась, что они едут в сторону от города. Долго ехали, поднимаясь по серпантину горных дорог. Потом ее вывели из машины и заставили идти пешком. Пленница, ничего перед собой не видя, спотыкалась. Ее поддерживали под локотки.

– Извини, другой транспорт нету. Один ишак тут свободно едет... – сознавая, с кем они имеют дело, похитители вели себя вежливо.

Это самое обстоятельство девушку немного успокоило. Она уже не страшилась за свою жизнь, хотя прекрасно понимала, чем обычно у них в горах оборачиваются подобные умыкания невест.

– Круто забрался твой женишок... – раздалось справа от нее.

И самым занятным для нее оказалось то, что, по ее разумению, она сама лично никому из парней не давала никакого видимого повода, чтоб кто-то из ее знакомых смог отважиться на подобный поступок. Неужто женишок со стороны? А вот это ее и тревожило, не давало ей покоя.

– Вот и столица нашего шаха... – слышалось слева.

Сбоку потянуло дурманящим запахом свежееиспеченной лепешки. В двух шагах от Алии сердито закудаhtала курица, захлопала крыльями. С другой стороны в ответ лениво забрехала худая беспородная дворняга. Протяжно замычала тощая корова. Перекликаясь, заблеяли глупые овцы. Дремлющий аул встрепенулся, встречая незнакомцев.

– А палаты у него царские... – пропели над самым ее ухом.

Чуть не споткнувшись, девушка прижалась к поддерживающему и направляющему ее локтю. Ей стало не по себе. Алия осознала, что через несколько шагов ее судьба может сделать крутой поворот, после чего о возврате к прежней беззаботной и наполненной радостью жизни думать и говорить не придется.

– А вот и он сам... – с ее глаз сняли темную повязку.

С трясущимися губами Аслан поджидал возле калитки собственного дворика, где к выступающей скале сиротливо прилепилась развалюшка из грубо отесанного камня. Собственно, в домике имелась всего одна комнатка, которая делилась на прихожую и горницу неопрятным куском матерчатой в просвечивающих прорехах вылинявшей занавески.

– Проходи в дом... – женишок прикрыл ворота.

Дерзкие похитители, четко исполнившие свою часть дела, остались на улице. Возбужденные голоса кунаков, затихая, медленно удалялись.

– Ты кто? – Алия гневно нахмурилась.

Ее возмущенный взгляд уперся в смущенного джигита, растерянно скользнул вдоль убогих стен, брезгливо оттолкнулся от земляного пола.

– Ты, облезлый ишак! Ты знаешь, чья я дочь? – девичий голосок наполнился металлической резью.

Алие казалось, ей хотелось верить, что произошло недоразумение. Парня она в упор не знала, никогда его не видела. Возможно, живущий в горном ауле джигит непростительно не подозревает, с кем имеет дело и чем для него дерзновенное похищение ее персоны может грозить.

– Я знаю...

– Ты... – голос Алии растерянно дрогнул.

Словно с разбегу наткнувшись на непреодолимую стену, девушка мгновенно сникла. Опустились ее горделиво расправленные плечики. От грациозной осанки прима-балерины не осталось и бывшего следа.

В ее памяти всплыла шепотом рассказываемая история про то, как прошлой осенью похитили дочку одного ответственного работника из республиканского правительства. Сам сановник наотрез отказался вести переговоры с представителями жениха, потребовал немедленно вернуть родную дочь. Девушку обнаружили лишь ранней весной. Она сидела на дороге босая и в одном плаще, накинутом на голое тело. Похитителей не нашли. Несчастную жертву пришлось поместить в психиатрическую клинику. Девушка никого не узнавала и ничего не помнила.

– Мой отец, – отступив в угол и прижав подрагивающие кулачки к испуганно вздымающейся груди, Алия предприняла попытку прояснить обстоятельства и расставить все точки

над «I», – ни за что не станет говорить с твоей родней. Он никогда не согласится на мой брак с тобой. Зря ты все затеял. Ты отпусти меня, и я никому и ничего не скажу...

У нее еще оставался малюсенький шанс. И она всецело попыталась воспользоваться им, вызывая к благоразумию парня. И безрезультатно...

– Я знаю...

– И ты...

– Или мы с тобой поженимся, или нам обоим не жить...

Горькое разочарование разливалось по мертвенно-бледнеющему личику Алии. Безраздельная жалость к самой себе заполнила все ее еще юное существо. За порогом жалкой хижины, в которой она очутилась вовсе не по собственной воле, остались все ее несбывшиеся надежды на беззаботную и счастливую жизнь. Отец своего согласия не даст. А от нее могут попросту избавиться, навечно прикрыв ее ротик.

– Когда твой отец узнает, что станет дедом, он будет поговорчивее и не захочет, чтоб твой несмыаемый позор пал на всю его семью...

Не сразу до Алии, потрясенной дикостью ситуации, в которой она оказалась, дошел смысл его слов. Она крупно вздрогнула, притопнула в ярости негодующей ножкой, кинула на парня унижающий взгляд:

– Ты не посмеешь взять меня силой!

– У нас с тобой не остается иного пути...

Словно подтверждая, что он не шутит, джигит сурово нахмурился и потянулся рукой за плетью. Если бы в тот момент девушка могла хотя бы предположить, что ее «женишок» сам трясется от страха и весь его устрашающий вид – одна лишь видимая ее глазу обманчивая оболочка, она повела бы себя иначе. Ей стоило еще немного побороться, показать ему свое превосходство, и Аслан непременно отступил бы. Сомнения и колебания могли окончательно сломить его волю. Дал бы парень задний ход, и Алиа смогла бы вырваться из, казалось бы, патовой ситуации.

Если бы она ведала, что за его бравадой скрываются неуверенность и липкий страх, бросающий парня в холодный пот.

– Если ты мне не подчинишься, я забью тебя...

На свою беду, с подоконника прыгнула кошка, лениво мяукнула и, томно выгибаясь, обтерлась об ногу хозяина.

– Смотри! – Аслан носком туфли отшвырнул от себя ласкающееся к нему животное и с размаху перетянул кошку плетью, ломая ей хребет.

Животина дико взвизгнула, таща за собой задние лапки, поползла к двери, оставляя за собой кровавый след. Всю свою злость, раздражение и досаду, весь свой страх парень выместил на несчастной кошке, сполна отыгрался на ней. Джигит почувствовал, что ему стало чуточку легче, и снова угрожающе приподнял плеть.

– Ну? – Аслан недвусмысленно ткнул камчой, провел ею по груди резко отдернувшейся назад девушки.

– Не надо... я сама, – Алиа сдалась.

С самого детства привыкшая к аккуратности, сгорая от смущения, она бережливо развела одежду на спинке одного из двух имеющихся в хибарке колченогих стульев.

– Я сама... – боли девушка не выносила: ни своей, ни чужой.

Суетливо расстегивая пуговицы на рубашке, Аслан не мог оторвать от девушки своих восторженно-восхищенных глаз. Ему казалось, что перед ним стоит само совершенство, богиня, неземное существо.

– Ну же, давай, – Алиа спиной откинулась на топчан, застеленный застиранным и выцветшим покрывалом.

Ей до слез стало обидно и горько, что таинство самой первой ночи с мужчиной совершится в столь убогой обстановке. Ни тонких и высоких свеч в бронзовом канделябре. Ни пенящегося шампанского в фужере из богемского хрусталя. Ни вышитых шелком атласных простыней...

– Только знай, женишок, этого я тебе никогда не прощу...

В ожидании неминуемой боли девичья спина испуганно вытянулась дугой. Сжались протестующие и вызывающие к милосердию кулачки.

– Нет, я не могу... – вытирая со лба мелко подрагивающей ладонью крупные капельки пота, раздосадованный парень в полнейшем бессилии отвалился в сторону, протяжно взвыл.

Страх за неминуемое возмездие за совершенное им насилие сыграл с Асланом злую шутку. Мужская сила позорно оставила его на поле несостоявшейся брани, выставила его полнейшим посмешищем в глазах юной красавицы, предательски перечеркнула все его надежды.

Опрокинув в себя стопочку водочки, парень повторил попытку. И вновь его поджидала оскорбительная неудача.

– Да, женишок... – Алия села, подобрав под себя ножки, прикрылась простеньким покрывалом. – И что теперь...

Когда она успела проникнуться сочувствием к несчастному парню, девушка в ту секунду даже не поняла и не думала про то. Ее несказанно забавляла сама ситуация. Она словно смотрела на все со стороны...

Узнав о пропаже младшей дочери, Иса Мирзоев поднял на ноги всю районную милицию. Собрав в своем рабочем кабинете мобильный штаб по поиску девушки, секретарь райкома, курирующий идеологические вопросы, в своих выражениях несколько не стеснялся:

– Я им кадыки всем вырву!

На многочисленной публике, на всех торжественных мероприятиях всегда подчеркнуто-вежливый, он, оставаясь с глазу на глаз со своими подчиненными, сбрасывал с себя блестящую маску интеллектуала и на время становился самым собой – высокомерным и надменным хамом.

– Я им глаза на одни места натяну... – стучал Мирзоев кулаком.

Предпринятые розыскные мероприятия скорых и обнадеживающих результатов не принесли. Следы гражданки Мирзоевой обрывались у самого выхода из торгового центра, будто она воспарила на Небеса.

Казалось, что девушка исчезла без следа. Никто и ничего путного и могущего внести ясность в расследование дела не видел и не слышал.

Важные и пузатые, милицейские чины один за другим пришли к неутешительному выводу, что Алию, скорее всего, похитили. Или же...

– Нет! Моя дочь на игры со мной не способна! – второй секретарь райкома с ходу отверг крамольную мысль о том, что девушка пошла на то, чтоб самой инициировать свое собственное похищение.

– Ничего не поделаешь, Иса Арсенович. Если в ближайшее время зацепок не обнаружится, придется вам ждать кунаков...

Весь кипя от клокочущей ярости, Мирзоев кинул на полковника уничтожающий взгляд, в бешенстве грохнул по столу кулаком:

– Если с моей дочерью что-то случится, я с тебя сам погоны сорву! Пойдешь на улицу рядовым постовым...

По городу, несмотря на все предпринятые меры, поползли слухи. И первыми зашушукались близкие подружки девушки. От них оказалось невозможным скрыть необъяснимое исчезновение по жизни веселой и общительной Алии. Они не понимали, как их лучшая подружка могла невероятным образом исчезнуть, не поставив их про то в известность.

К исходу второго дня Мирзоев пребывал в состоянии отупелой растерянности, близкой к паническому расстройству. Последовательно прошел он стадии гнева, напряженности, досады и замешательства, боли и лишающей сил неуверенности.

На третье утро до его приемной прорвался звонок из далекой от них столицы. На связь вышел профессор одного из московских институтов.

Через секунду-другую секретарь райкома облегченно выдохнул. Вне всяких сомнений, объявился представитель жениха.

– Верните мне мою дочь! – напористо выкрикнул в трубку Мирзоев. – Обо всем договоримся после...

У него еще теплилась надежда на то, что он сможет выдавить весь максимум возможного из сложившейся обстановки. Личность того, кто ему звонил, отцу девушки была знакомой не понаслышке.

– Ваше посредничество для меня много значит... – намекнул он.

В столичных кругах профессор имел определенный вес, и ссориться с ним особого смысла не виделось. В голове Мирзоева созрел план. Все зависело от того, в каком состоянии передадут ему дочь. Если Алии никто не коснулся, то он намеревался одним выстрелом убить сразу двух зайцев: заполучить себе крепкого союзника и пристроить дочь...

– Я готов позднее все с вами обсудить... – заверил Мирзоев.

Топать пешком, взбираясь по круче, Иса Арсенович, узнав место, где прячут его дочь, наотрез отказался. И от горячего желания нанести женишку личный визит Мирзоев не отступился. Для осуществления его намерения изыскивали воздушное судно. Час работы вертолета обходился государству примерно в шестьсот рублей при средней зарплате рядового инженера в сто двадцать неконвертируемых рубчиков.

– Осуществить разведку прилегающей местности, выслать вертолет, найти подходящую площадку для посадки! – распорядился секретарь райкома. – Через два часа доложить. Время пошло!

Обучаясь в сельхозинституте, будущий партийный деятель пока еще районного масштаба вполне успешно прошел подготовку на военной кафедре, получил звание «лейтенант запаса».

– Подготовить группу к вылету! – Иса Арсенович повернул голову к своему помощнику. – В ее состав включить...

Периодически проходя военные сборы, Мирзоев «дослужился» до майорской звездочки. Занятия по тактике ему нравились, и он неплохо усвоил Наставление по ведению боевых действий мотострелковых и танковых подразделений и Часть II Боевого устава. Иса Арсенович до упоения любил четкие и безупречно сформулированные команды.

– По местам! – Мирзоев занял кресло рядом с пилотом.

Милицейский вертолет, выкрашенный в желтый канареечный цвет, доставил в горы секретаря райкома и его сопровождающих.

– Какая красота! – не удержался от восторга сановный пассажир.

Перед изумленным городским жителем открылся вид древнего и в былые времена совершенно непреступного аула-крепости.

Будто сама природа создала укрепление от начала и до конца. Лишь местами человек кое-что кропотливо поправил и заботливо добавил.

– Если там занять оборону силой до двух взводов, то и батальона не хватит, чтобы «выкурить» его защитников! – важно изрек секретарь.

Каменистая гряда мрачным и непреступным валом опоясывала всю нижнюю границу селения. Местами все же растасканная по камешку, двухметровая защитная полоса и поныне выглядела внушительно.

– Домики, – рубанул рукой секретарь, – будто доты...

Со всех сторон оценив горный аул, Мирзоев одобрительно качнул головой. Настроение у него улучшилось. Помощник украдкой послал к небу слова благодарности, прошептал их беззвучными губами.

Кривые и узкие улочки то с одной, то с другой, то с обеих сторон тесно подпирались выложенными из камня высокими заборами.

Серые плиты видали, пережили не одну осаду. Они пропитались духом истории и всякое могли поведать о нашествиях орд Чингисхана, Тамерлана и многих иных завоевателей.

– Сидеть! – Мирзоев угрожающе ткнул пальцем в грудь Аслана.

– Папа... папа! – навстречу Исе Арсеновичу рванулась девушка, чуть осунувшаяся на лицо, побледневшая, но с виду целая, невредимая, что вдохнуло в отцовское сердце благодостное успокоение.

Осыпав родную дочурку поцелуями, Мирзоев распорядился:

– Всем выйти!

В лачужке остались Алиа и моложавая дама, зав гинекологическим отделением, давняя и близкая подруга матери несчастной девушки. Это обстоятельство нисколько не мешало Элеоноре Аркадьевне состоять в интимной связи с секретарем райкома. Почти родственные отношения с докторшей всецело гарантировали сохранение деликатной тайны.

– С вашей дочерью все в полном порядке! – женщина-врач, стягивая с рук тонкие медицинские перчатки, облегченно вздохнула. – Видимых повреждений нет. В общем, она все еще...

– Мерзавцу повезло... – отец девушки недобро усмехнулся.

По всей видимости, столичный покровитель юноши оказался не в курсе происходивших в горном ауле событий или, возможно, несколько драматизировал их ход. Так или иначе, но оптимистичное сообщение гинеколога значительно облегчило ситуацию.

– Всем в вертолет! – Иса Арсенович, бережно поддерживая дочурку за локоток, неспешно зашагал к посадочной площадке.

Два дюжих оперативника вели закованного в наручники женишка, на лице которого проступила обморочная белизна.

– Я не виноват, не виноват, – судорожно вздрагивали его губы.

Весь полет он истязался, ерзал, не находил себе места. Ему стало бы намного легче, если бы отец девушки при всех наорал на него, напустился с кулаками, излил бы всю свою ярость. И дальнейшая планида Аслана мгновенно прояснилась бы. Он наверняка знал бы, что его ожидает.

Милицейский Уазик с зарешеченными окнами повез Асхадова в районное управление МВД. Бедного парня кинули в «обезьянник» без каких-либо слов и объяснений. Закрыли на запор, оставили Аслана в полной неизвестности и наедине с его мрачными мыслями.

Персональная «Волга» секретаря райкома рванула к центру города.

– Переночуешь в гостинице, – домой Мирзоев девушку не повез. – А утром тебя на моей машине отвезут в Краснодар...

Иса Арсенович все рассчитал. Слухи об исчезновении его дочери гуляли по всему городу, а возможности их опровергнуть не имелось. И он придумал, как обставить факт отсутствия Алиа и под каким соусом подать приемлемую для всех версию, заткнуть все болтливые рты.

– Я боюсь! – девушка нервно передернула плечиками.

– Успокойся. Все под контролем. В соседнем номере поселились твои охранники. Они ни на шаг не отойдут от твоей двери...

Покидая апартаменты, Мирзоев не стал распространяться о том, что он и сам не собирався ехать домой и занял номер этажом выше.

– Ты прелесть, Элеонора! – мужчина блаженно прикрыл глаза.

Наконец-то с помощью умной женщины в его планах все сошлось.

– Мы одним выстрелом убьем сразу двух зайцев...

Прикрывая наготу простышкой, любовница высокопоставленного партийного работника иронично усмехнулась. Мирзоев всегда достигал поставленных целей, умел заполучить желаемое. В свое время он купил ее, Элеонору, превратил в свою послушную и верную игрушку.

– Махнете с Алией в Москву, – мужчина улыбнулся. – Поступите в институт. А оттуда на пару неделек прямиком на Золотые Пески...

Ближе к полудню Асхадова привезли на городскую квартиру. Там его поджидал отец Алии. Чтоб не упасть, парень прислонился к стене.

– Могу поздравить вас, молодой человек, – Мирзоев прищурился, – вы сделали прекрасный выбор. Моя дочь умна и красива. Она любима своим отцом. Тот, кто ее заполучит, тот автоматически приобретет мою поддержку. А это, поверьте мне на слово, значит очень многое...

Не уловив скрытой издевки во внешне доброжелательных и весьма приветливых словах, парень расслабился и потому пропустил ощутимый и болезненный удар, от которого моментально съёжился.

– Ты думал, мерзавец, что я соглашусь отдать тебе мою дочь? Да я тебя в порошок сотру, подлец!.. Загнешься в болоте на лесоповале...

Не прошло и получаса, как Асхадов вынужденно согласился на все условия Мирзоева. Он торжественно поклялся, что и слова худого нигде и никому не проговорит, не заикнется про Алию. Забудет про то, что ее умыкнули, про то, что юная девушка несколько дней провела наедине с незнакомым мужчиной и кое-что другое, могущее кинуть на нее тень.

– Ей уготована судьба взойти на Олимп, породниться с Богами...

Хлопнула входная дверь. Мирзоев ушел. Парень остался, ни жив и ни мертв. Скорее всего, он находился в пограничном состоянии, близком к тихому помешательству и одновременно к нервическому срыву.

Приемная дочь Мирзоева, Марьям, в узком кругу «проговорила» о том, что готовится к свадьбе. Тайнственным шепотом она сообщила, что молодой человек, с которым знакома почти два года, по их старинному обычаю организовал ее «похищение». Естественно, что с ее согласия.

– А где же Алиа? – изумленно вопрошали у нее.

– В Москве, – Марьям непринужденно улыбнулась. – Сдает наша девочка экзамены в МГИМО. Вчера она звонила, передает всем привет.

Лучшая подружка Алии поперхнулась досадливой слюной. Крутой сенсации не случилось. Все оказалось много проще. А так хотелось бы, чтоб с секретарской дочкой произошло нечто из ряда вон выходящее.

Праздничный туй Мирзоев, многим на удивление, решил провести не в самом большом в их городе банкетном зале, как того все ожидали. Свадьбу сыграли в родном ауле жениха, с песнями и плясками, по всем их древним обычаям. Веселье еще гуляло, а молодых отвели в дом...

– А дорожка-то у тебя езженная! – парень разочарованно выдохнул.

Больно и издевательски кольнула мыслишка про то, что сбагрили ему залежалый и, к тому же, порченный товар. Хотелось Аслану все его накопившееся зло выместить на лежащей рядом с ним женщине. Рука непроизвольно поднялась. Но ударить он не посмел, побоялся Мирзоева. Страх неминуемой расплаты довлел над ним, лишал мужественности.

За его душевными терзаниями сквозь полуопущенные реснички с интересом наблюдала Марьям. Она, сколько могла, противилась браку.

Не хотелось Марьям выходить замуж за человека, которого никогда раньше не знала, который на деле выходил много моложе ее.

– Выпей шампанского и успокойся, – посоветовала женщина своему мужу. – Я тебя к этой кровати не толкала. Сам себе яму копал...

Тоненько звякнула уроненная ложечка о серебряный поднос, парень вздрогнул. Как ни крути и ни верти, но Марьям права. Он знал, на что идет. Профессор тонко намекнул ему, что мужчины частенько вступают в брак по расчету и женятся на женщинах, обремененных не только их положением, достатком, но и излишним возрастом. Взять их Пророка...

– Твой отец меня обманул! – Аслан попытался все перевернуть.

– Неправда, – женщина грустно усмехнулась. – Ты хотел войти в его семью. Ты в нее вошел. За что боролся, на то и напоролся...

По бледной женской щеке покатилась слезинка. Ее использовали, как разменную пешку. Иса Арсенович и честь семьи сберег, и союзника в столице приобрел в лице Хайбулатова, и приемную дочь сплавил. Так сказать, надежно пристроил ее по жизни. И что за дело до ее чувств...

Пока воспоминания хороводом теснились перед глазами Аслана, ноги мужчины широко шагали по хорошо утопанной тропке. Дорожка вывела его к соседнему аулу. Тут обила его третья жена, Хадиса...

3

Одна за другой «вертушки» садились на площадку. На них спешно накидывали маскировочные сети. Техники приступали к обслуживанию.

– Ой, спасибо вам! – оказавшись на твердой земле, покачиваясь по инерции, Леся попыталась «сделать ноги». – Я это... пойду уже...

Подмигнув полковнику ФСБ, генерал властно придержал девушку за ее здоровое левое плечико:

– Нет, так просто от нас вы теперь не сбежите...

За время полета Буров успел рассмотреть свою находку. Невысокая и узкая в талии. Коротко стриженные светло-каштановые волосы. На лице россыпь веснушек, отнюдь ничуть не портивших, а напротив, лишь придававших девушке притягивающее к себе очарование. Под легкими цветастыми штанишками при желании угадывались стройные бедра.

Будучи роста много ниже среднего, мужик длинноногих девиц с модельных подиумов особо не привлекал. Хотя, в душе и ему, возможно, хотелось бы пройти с юной красавицей, сошедшей с обложки модного глянцевого журнала. Реалист до кости мозга, Буров иллюзий не питал. Понимал он, что рядом с худосочной двухметровой вешалкой для белья 40—42-го размера выглядел бы довольно смешно, если и не комично.

– Как гостеприимные хозяева, мы вас не отпускаем. Для начала вас отправим в лазарет. А вечером мы организуем званый ужин.

– Ой, мамочки! – узкая ладошка прикрыла вспыхнувшее жарким полымем личико, а в глубинке серо-карих глаз заплескалось тщательно скрываемое разочарование, соседствующее с паническим отчаянием.

Стоявший от Леси в двух шагах, полковник прищурился, уловив в поведении девушки едва заметное глазу, но нечто похожее на неладное.

– Борис! – генерал нарочито поставил ударение на первом слоге. – Борис, отведи девушку к своей медсестре. Пускай Инга осмотрит рану и наложит новую повязку...

Кивнув головой, Пестиков пригласил Лесю пройти вместе с ним до его домика. Предложение генерала устраивало полковника, как ничто другое. У него возникло непреодолимое желание познакомиться с их милой находкой как можно ближе, копнуть чуток глубже.

– Вот и мы! – Пестиков толкнул дверь, приглашая девушку войти. – Милости прошу к нашему шалашу...

Сдерживая дыхание, Леся оглянулась. С виду простая обстановка, да все предметы мебели подобраны со вкусом. Эстеты поработали...

Посреди гостиной стоял стол старинной работы. Возле него в два рядка выстроились стулья из того же красного дерева. Антиквариат...

– Инга... – отрекомендовалась жена Пестикова.

Наверное, чуть пристальнее, чем позволяли приличия, Ищенко во все глазища пялилась на вышедшую к ним хозяйку дома. Осиная талия Инги поразительно гармонировала с высокой и полной грудью. Тесные джинсы подчеркивали узкий, почти что мальчишеский таз белокурой красавицы. Туфли на высоких каблуках выгодно выставляли напоказ модельную длину почти идеально ровных ножек. Серо-голубые глаза задержались занавеской, сотканной из сдержанной приветливости, и не пускали дальше, пряча внутренний мир молодой жены Пестикова.

– Осмотри нашу гостью. Девушку на дороге зацепило...

Хозяйка шагнула к Лесе. Тугие груди ее колыхнулись и замерли.

– Секундочку! Сначала вы в ванную, а потом мы вас переведем!

Радужно предложив Лесе новое банное полотенце и халат, Инга показала госте, где у них находится ванная комната.

Пока девушка мылась, нежилась под теплыми струями, смывала с себя пот и грязь, ее одежду незаметно сняли с вешалки, прощупали.

– Я так и думал... – Борис покачал головой.

Обследовав платье, полковник пришел к выводу о том, что его, по всей видимости, надели после того, как девушку где-то ранило. Хотя и зачем-то всячески пытались придать одежде видимость совсем иного.

От одеяния попахивало затхлостью, что косвенно указывало на его залежалость и избыточную сырость в возможных местах хранения.

Инга занималась гостьей, обрабатывала рану. А Пестиков осмотрел девичьи ладошки, слегка их поглаживая, будто снимая ноющую боль, успокаивая согревающими прикосновениями. На правом указательном пальце между первой и второй фалангами Борис обнаружил мозоль, характерную для тех, кто частенько имеет дело со стрелковым оружием.

– Вот и все, а вы боялись... – на его лице засветилась улыбка.

Похлопав девушку по плечу, Пестиков встал, прошел к двери.

Выйдя на улицу, полковник ФСБ достал сигарету, закурил. То, что ему открылось, Борису сильно не понравилось. Паспорт на имя Ищенко подозрений у него несколько не вызывал. Девушка получила его давно, когда они все жили в одной стране – в СССР. Имеющаяся прописка в одном из близлежащих районов Ставропольского края вовсе ничего не значила. За хорошие деньги поставить штамп в паспорт – дело плевое.

– Интересно, есть ли у нее еще где паспорт? – Пестиков задумчиво скользнул взглядом по соседнему дому. – Хотя бы на Украине...

Уставился Борис, словно он между пляшущими рядами кирпичной кладки пытался прочитать неведомое. Будто все сведения о загадочной гостье безвестные агенты зашифровали растровой тайнописью.

– Надо спросить про нее у Студента... – Пестиков прищурился.

Первое знакомство с Асланом состоялось в начале 85-го. Асхадов приторговывал джинсами. Эмиссары из Турции тюками провозили через границу свои дешевые тряпки. В Союзе джинсы мгновенно расходились по баснословной цене. На вырученные деньги разворачивалась борьба за влияние на умы людей неустойчивых, сильно обиженных властью, по жизни крайне непорядочных, алчных и без меры тщеславных.

– Пойдешь ты, студент, по статье, как валютчик, – майор Пестиков зловеще рассмеялся. – Лет на восемь загремишь на «зону»...

Чтоб ускорить процесс, майор устроил небольшой спектакль. Один из сотрудников, верзила ростом под два метра, стоял посреди камеры в окровавленном кожаном переднике. В своих руках он держал кузнечные щипцы и тянулся ими к человеку, сидящему перед ним на стуле.

– Нет!!! – отчаянный крик вырвался из глотки «несчастной жертвы» и заметался по всему замкнутому пространству.

Наблюдавший со стороны, Аслан побледнел от страха:

– Я все скажу, я все скажу...

Прижатый к стенке, Асхадов легко сдал своих покровителей. Выдал он приехавших из Турции и Штатов исламских «учителей», раскрыл три ячейки, с которыми имел связь. Труслив оказался с виду крепкий Аслан. Собственная шкура для кавказца вышла ближе, чем больше похожее на эфемерную сказку дело «исламского султаната».

– На! – майор протянул Аслану стандартный лист с отпечатанным текстом. – Подпиши!

Не глядя, Асхадов подмахнул бумажку, в которой обязывался тесно сотрудничать с КГБ. Получил он оперативный псевдоним «Студент».

Через месяц-другой Пестикова перевели в другой отдел. Он занялся захватывающе интересной работой по созданию в Восточной Германии сети осведомителей из числа членов семей военнослужащих. И Аслан на время выпал из поля его зрения.

В следующий раз их пути пересеклись, когда в декабре 1992 года сотрудники управления по борьбе с экономическими преступлениями задержали гражданина, переведшего на расчетный счет своей фирмы пятьсот миллионов рублей по фальшивому кредитному авизо.

Поддельное авизо поступило из махачкалинского банка «Месед», учрежденного объединением дагестанских кооперативов.

В 92-м велось расследование похищения более одного миллиарда рублей с помощью фальшивых авизо из Московского индустриального банка. Свою разработку параллельно вело и ФСБ.

После того, как к делу привлекли Бориса, он, недолго думая, вышел на своего бывшего агента и прихватил Асхадова возле одного из банков.

– Я ничего не скажу! – зять Мирзоева сразу пошел в отказ, думая, что вместе с разгоном КГБ и о его прошлом все позабыли.

Пришлось Пестикову извлечь на белый свет дело агента по кличке «Студент» и предъявить его Аслану:

– Если мы покажем эти бумаги твоему тестю, тебе не поздоровится, а если об этом прознает Дудаев, тебе кранты и крышка...

В одно мгновение Асхадова побледнел и сгорбился:

– Не надо, я все скажу...

На допросе Студент показал, что его тесть Мирзоев свел Асхадова с представителем грозненского филиала «Истока» Асланом Дидиговым.

«Это же так просто! – с разудалой усмешкой живо растолковывал зятю Мирзоева и самому Исе Арсеновичу подвыпивший Дидигов. – Мы пишем бумажку, она идет в банк. Получаем два грузовика наличных и везем их прямо домой, в Грозный».

Вошедшие во вкус легких и шальных денег чеченцы договаривались с работником какого-либо банка, чтобы он выпустил авизо на некоторую сумму и отправил его в Центральный банк или один из уполномоченных банков, к числу которых относились Промстройбанк России, Соцбанк и Агропромбанк, после чего оставалось лишь получить деньги.

«Кругом одни лохи сидят, на ходу спят...», – хвастал Дидигов.

Поскольку «стыковка» в банках проводилась с периодичностью раз в месяц, квартал или даже год, то у мошенников, как правило, имелось достаточно времени, чтобы потратить или спрятать похищенные деньги.

«Демократизированная» банковская система России загадочным образом оказалась «не готова» к самой элементарной махинации.

Сама схема использования фальшивых авизо была довольно проста: в московское предприятие приходил «гонец» с незаполненным бланком авизо и предлагал за определенный процент наличности перевести на банковский счет предприятия гораздо большие безналичные суммы.

Естественно, что при этом в поле зрения чеченских «финансистов» попадали, как правило, клиенты тех банков, которые имели возможность оперировать значительными наличными средствами.

Чеченские авизо широко использовали многие бандформирования и представители криминально-сепаратистского режима Джохара Дудаева.

По данным МВД за 1992—1994 годы из девяти чеченских банков поступило 485 фальшивых авизо на сумму 1 триллион рублей.

Как говорил сам Дудаев, он «отправлял разные бумажки, а взамен ему привозили самолеты с мешками денег».

В 1995 году МВД расследовало деятельность компании Trans-CIS, связанной с братьями Черными, которая получила первые деньги через банки в Чечне. Однако затем было обнаружено, что архивы Центробанка в Грозном подверглись целенаправленному уничтожению в ходе боевых действий во время чеченского конфликта 1994—1996 годов.

В Чечню вывезли 400 миллиардов рублей наличными: «физически эта масса денег имела такие объем и вес, что их вывозили из московских банков мешками на грузовиках – тысячами мешков... шальные деньги вывезли в Чечню на пассажирских самолетах «Аэрофлота» и скорых поездах «Москва-Грозный»...

– Нехило поживились, – Борис с усмешкой покачал головой, – за счет русского народа. И затем затеяли бойню, чтоб замести все следы...

Весь ущерб от махинаций с фальшивыми авизо эквивалентен сумме тогдашних невыплат шахтерам, предприятиям ВПК, военным, учителям.

– Да и наши «новые русские», – Пестиков прищурился, припоминая, – свою лапу к пирогу приложили... Олигархи, мать их...

Громадные деньги от фальшивых авизо, помимо финансирования «респектабельной» деятельности по созданию криминализированных банков, шли на содержание «киллерских» команд, подкуп чиновников, нечистоплотные сделки по приобретению. Махинации с фальшивыми авизо послужили причиной криминализации банковской системы.

– Всю страну под себя подложили... – резюмировал Борис.

Весь ущерб от операций с фальшивыми авизо составил триллионы рублей. Как заявлял член комитета по безопасности Госдумы Николай Леонов, использование этих фальшивых авизо всемерно способствовало захвату многих отраслей промышленности России.

Как пример, Леонов назвал установление контроля к середине 90-х годов над черной и цветной металлургией братьями Михаилом и Львом Черными. В материалах Следственного комитета МВД отмечалось, что братья Черные расплачивались за металл деньгами, обналиченными по фальшивым авизо. В уголовных делах называлась сумма в размере более десяти миллиардов рублей (около полумиллиарда долларов)...

Докурив сигарету, Борис вернулся в дом. Глянув на дремлющую в глубоком кресле неожиданную гостью, полковник одними глазами велел Инге пройти с ним на кухню.

– Будь с нею осторожна, – вполголоса произнес Пестиков. – Она, возможно, вовсе не та, за кого себя выдает. Паспорт у нее настоящий. Но эта ксива у нее не единственная, надо полагать.

Вздрогнув, Инга ахнула, перекрестилась.

– Ты думаешь, что... – прошептала она, не договорив главного.

– Я наведу справки. А ты пока паспорт ее спрячь. Спросит, скажи, что я его забрал с собой. Это должно ее предостеречь от неразумных шагов. Я вернусь часа через три-четыре...

Глянув на ходики, Инга заторопилась. Она чуть не забыла, что в час дня договорилась о встрече со своим давнишним дружкой. Нехорошо.

Ей следовало окончательно поставить в их отношениях жирную точку и порвать со своим не так уж и далеким прошлым. Навсегда!..

– Явилась, Цветкова, не запылилась! – парень лет двадцати пяти с погонами прапорщика на плечах рывком втянул девушку в помещение склада военно-технического имущества. – Или уже не Цветкова, а как еще тебя там... Пестикова... – Кеша издевательски хохотнул. – Пестики-тычинки! Лютики-одуванчики! Ха-ха!

– Не ерничай! – Инга недовольно нахмурилась.

С металлическим лязгом задвинулся запор на двери. В помещении потемнело. Тусклая лампочка-сороковка в дальнем углу склада желтела радужным пятном, отбрасывала по стенам косо очерченные тени.

– Что ты со мной вечно, как со скотиной, обращаешься! – зашипела Инга, когда прапор грубо облапил ее, жесткими пальцами задирая на ней платье, всей своей массой надавил, прижал к штабелю с ящиками.

– Цыц, шалава! – Кеша хлестко шлепнул по девичьей ягодице.

Не обращая внимания на ожесточенное сопротивление Цветковой, парень отыскал ее отворачивающиеся губы, впился в них чувственным поцелуем, насильно зажигая в девушке ответную искру. И запалил же.

– Так-то лучше, – удовлетворенно произнес Ключников, укладывая обмякшую подружку на облезлый топчан.

Познакомился он с Ингой случайно, хотя именно в этом-то Кеша и узрел жизненную закономерность. Через полгода их связи Ключников понял, что милая медицинская сестричка послана ему самим Богом, чтоб спасти его заблудшую в потемках бытия и погрязшую в лениности душу.

– Я по тебе скучал... – нашептывал он в ушко подружки.

Сломленная и побежденная, Инга позволила стянуть с себя платье, покорно перевернулась на живот, приняла привычную позу.

От физической близости большого удовольствия она не получила, хотя и всячески пыталась приноровиться к резким и частым толчкам.

– Медведь ты! – в расстроенных чувствах Инга оттолкнула от себя довольно жмурящегося парня. – Думаешь только о себе...

Теперь она не знала, как сказать Кеше, что это была их последняя встреча. В присутствии Ключникова Инга теряла всю свою уверенность. Кеша имел над нею странную власть, труднообъяснимую с позиции нормального человека. Он действовал на Ингу, как наркотик. Наутро от него тошнило, а вечером снова неотвратимо тянуло к нему.

– Сама виновата, шалава, – лениво отмахнулся прапор. – Сколь раз те учил, чтоб ты лежала смирно и не рыпалась, получала свой кайф...

Застегивая пуговички, Цветкова, старательно пряча от любовника смущенно-нерешительные глаза, едва слышно обмолвилась:

– Я вышла замуж...

– Забавно! Мой киндер приобретет себе законного папашу!

В жгучей досаде Инга до боли прикусила нижнюю губу. Цинизм Кеши убивал ее наповал. Она совершила непростительную оплошность, в минуту возникшей душевной близости посвятив Ключникова в свои самые сокровенные тайны.

Когда она узнала, что Пестиков не может иметь собственных детей, о чем недвусмысленно показал негласно проведенный анализ семени полковника, решила зачать ребенка от другого мужчины и по глупости проболталась, выложила все Кеше как на духу. К ее изумлению, затея встретила со стороны прапорщика полное понимание и поддержку.

– Жить будете в Москве или в Питере? – осведомился прапор.

– Я поступила в Академию...

Услышав новость, Ключников живо вскочил, его глаза вспыхнули:

– Устроилась, шалава! Я тоже поеду с тобой в Питер!

Девичьи плечики безвольно обмякли, решительность ускользнула по обвисшим кистям, растворилась в сыроватом складском воздухе.

– У меня, блин, приятель живет на Академика Лебедева, в Финском переулке. Прикинь, всего в двух шагах от твоей бурсы. Ха-ха! Будя, шалава, проваливай. Ко мне один человечек должен подъехать...

Бесцеремонно выпроводив девушку, Кеша надежно заперся, открыл толстенную книгу учета и движения материальных средств. Его наивная подружка не догадывалась, что он заранее предпринял все необходимое, чтоб перевестись на новое место службы. Выписка из при-

каза пришла недели две назад. По сути, Кеша склад уже передал своему сменщику. Осталось ему денежку получить в финансовой части. Расчет и боевые...

4

Аслан торопился. Искоса глянув на босоногих детишек, шустрой стайкой выбежавших во двор, когда Хадиса крикнула им, что приехал их отец, горец сел за руль. До назначенного ему времени оставалось минут сорок, и он не успевал. И все беды пошли из-за дрянной девчушки.

– У, шайтан! Удавлю босоногую сучку... – Аслан желчно сплюнул.

Темно-серый джип резво рванул с места. Спрятанный под капотом табун лошадок тянул мощно и напористо. На ровных участках машина мгновенно разогналась. К тому же, дорога в основном шла под горку.

Возле блокпоста его остановили. Проверки Аслан не боялся. Не зря же он исподволь прикормил прапора, кидая ему подачки, привозя водку.

С утра прилично опохмелившийся и постепенно выбиравший свою дневную норму, Фесько пребывал в благодушном состоянии. Протянув руку, он, не глядя в сам документ, небрежно вытянул из него сложенную вдвое бумажку номиналом в десять американских долларов.

– Спиртягу, назад поедешь, прихвати... – махнул он на прощание.

Нешадно пыля, джип понесся дальше. Фесько аккуратно расправил банкноту, посмотрел на свет, проверяя на предмет фальшивости. Дикие горцы ничем не брезговали, легко могли подсунуть и липовую бумажку.

– Жить, ха, хорошо, а хорошо жить – еще лучше! – философствовал прапор, опрокидывая в себя очередную стопку. – За нас, блин, за вас, за Северный Кавказ! Ура!!! Рота, подъем!

Ощущая в себе kloкочущую потребность сотворить нечто полезное, Фесько вылез, протер глаза и густым басом заревел:

– Застава, строиться!

Заспанные бойцы выползали из своих щелей, недовольно гудели, втихомолку роптали супротив пьяного произвола. Откровенно заявить о том, что их поддатый прапор в корне не прав, солдатики не решались.

– Отрабатываем вводную «Нападение на пост»...

Пока воины стремглав занимали позиции для отражения супостата, Фесько частым шагом нырнул в свой блиндаж, хлопнул чарку, крикнул и выскочил обратно, зажимая в руке неработающий секундомер.

– Незачет! Повторить!..

После третьего захода удовлетворенный прапор завалился спать. Он посчитал свою миссию по поддержанию боевой готовности вверенного ему подразделения выполненной на все триста процентов.

Остановившись в укромном местечке, Аслан поменял все номерные знаки на регистрационные номера краснодарского региона. Нелишняя у них вовсе предосторожность, отнимающая не столь много времени.

– Ты опоздал, – угрюмо проворчал начальник склада ВТИ. – Время деньги, а денег у нас... – Ключников многозначительно присвистнул.

– Пробки, – пряча ухмылку в усах, ответил Асхадов.

– Пробки в Москве, – оценив шутку, осклабился Кеша.

– А у нас стреляют...

Начальник склада, воровато оглянувшись по сторонам, вынес ящик с ночным прицелом к переносному зенитно-ракетному комплексу типа «Игла», закинул его в открытый багажник.

– Расчет на месте...

Правой рукой Аслан протянул скрутку с долларами. Не считая, Ключников переправил деньги в карман, прищурился:

– Шайтан-труба тебя интересует?

Кивнув головой, горец зашевелил пальцами, запрашивая цену.

– Пять изделий за «тонну» баксов, – озвучил прапор прейскурант.

– Годится...

Не торгуясь, Кеша сбагрил весь излишек, имеющийся на его складе. Нигде не учтенное имущество «нарисовалось» после одной «операции», проведенной предприимчивым прапором. По договоренности с тем же Асхадovým боевики подорвали ЗИЛ-131, в котором якобы находилось то имущество, которое Ключников впоследствии успешно реализовывал.

Тороватый Кеша особо не задумывался над тем, в чьи руки попадает уворованное им вооружение и похищенные им военные приборы.

Большая часть из вырученных подлым способом денег ушла на то, чтоб организовать прапору перевод в Ленинградский военный округ.

Практически не сомневался Кеша, что полковник от ФСБ запросто устроит Инге поступление в военно-медицинскую академию. Цветкова даже не могла себе представить, что это именно он, Ключников, свел ее с Пестиковым, активно посодействовал в том, чтобы они сблизились...

Рассчитавшись с прапором, Аслан подъехал к медсанбату. И там его с нетерпением ждали. Из рук в руки поспешно перекочевал кожаный саквояж с сильнодействующими и обезболивающими лекарствами.

В пятилитровой канистре в машину загрузили медицинский спирт. Сверху накидали индивидуальные перевязочные пакеты.

– Когда приехать за новой партией?

– Дней через пять, не раньше...

Облегченно смахнув со лба капельки пота, Асхадов потихоньку тронулся с места. Пока все шло как по маслу. Ни задержки, ни срыва. За большущие «бабки» вороватые людишки из федералов согласны были продать ему самих себя, попроси он их об столь небольшом одолжении.

Открыв глаза, Леся поначалу не могла понять, где она находится. Ей показалось, что она все еще томится во власти сновидений. Потом Леся вспомнила, и тревожная волна накрыла ее, заставив крупно вздрогнуть.

– Вот, черт! Тикать треба! – девушка пружинисто вскочила с кресла и оглянулась, одновременно напряженно прислушиваясь.

Тишина. И только тиканье часов набатом отдавалось в ушах. Одна. В домике, кроме нее, никого. Неужто ей повезло...

– Черт! Мой паспорт... – Ищенко обмерла от нахлынувшего страха.

На полушаге Леся замерла в смятенной нерешительности, и в это мгновение раздался негромкий стук в дверь. На пороге стоял капитан, которого Ищенко намеренно уже бачила. Он порхал вместе с ними в вертолете. В руках молодой человек держал аккуратный сверток.

– Капитан Дьяченко, – офицер улыбнулся. – Порученец генерала...

Моргнув, девушка отступила назад, приглашая капитана войти, но тот качнул головой, вежливо отказался:

– Я по делу к вам. Я за вами. Вас ждут в штабе. Вам лучше будет переодеться, – Дьяченко передал новый комплект камуфляжной формы. – А я вас на улочке трошки погожу...

В штабе, против ожидания Леси, генерала Букова не оказалось. С нею беседовал щупленький подполковник в простеньких роговых очках.

– Скажите, что вы у нас заканчивали?

– Школу...

– И все? – в ровном и даже чуточку равнодушном голосе мелькнуло плохо прикрытое и хорошо заметное огорченное разочарование.

И получаса еще не прошло, как генерал поставил кадровику задачу определить гражданку Ищенко на службу, подготовить и отдать по ней соответствующий приказ. Причем, оформить все дело задним числом.

– Техникум... радиотехнический...

На лице подполковника расплывалась счастливая улыбка, будто бы он только что вытянул выигрышный билет в национальную лотерею.

– Диплом имеется? – вкрадчиво протянул он.

– Дома лежит...

Открыв лежавшую перед ним папку, кадровик вынул из нее чистые бланки и готовые образцы заявлений и автобиографий.

– Пишите...

Минут через сорок подполковник, держа перед собой лист бумаги с отпечатанным на машинке текстом, монотонно зачитал:

– Приказом командира в/ч 00000 номер 00... от 25 апреля сего года вам присвоено воинское звание «прапорщик»...

Выяснилось, что Лесю поставили на все виды довольствия. Команда прошла, и в финансовой части ей выплатят денежное содержание за два месяца. На руках у девушки оказались денежный, продовольственный и вещевой аттестаты. Что с ними делать, Ищенко не ведала.

– И? – она растерянно посмотрела на капитана.

– Я все устрою, – Дьяченко забрал у нее аттестаты. – Получите зараз гроши, купите себе на первое время, что считаете нужным. Вечером мы с вами едем в Моздок...

В чем будет заключаться ее служба, порученец не пояснил. Не стал капитан дотошно вдаваться в совершенно излишние подробности.

Навесив на двери склада тяжелый амбарный замок, тиснув печатью в пластилиновый слепок, Ключников заторопился в сторону управления. Его ожидала тяжелая битва за причитающиеся ему деньжата.

– Последний бой, – промурлыкал Кеша, – он трудный самый...

Жадюга и хитрован, хохол по рождению и жид по своей натуре, зам начальника финансовой службы майор Ничипоренко на все вопросы к нему всегда коротко и ясно отвечал, что денег нет.

Хотя, по его же словам, средств на уплату денежного содержания и причитающегося военнотруженикам вознаграждения за боевые действия в кассе не имелось, время от времени «счастливики» уносили с собой увесистые пакетики с тугими пачками, перевязанными банковскими лентами. Люди шли, стараясь не смотреть на тех, кому не повезло. Они торопливо покидали поле их битвы, одержав, как им думалось, нелегкую «Пиррову» победу и понеся в жаркой схватке весьма ощутимые потери.

– Товарищ майор, разрешите? – Кеша всунул голову в тесный кабинет, заставленный металлическими шкафами.

– Денег нет и не будет, – механически процедил Ничипоренко, не поднимая головы и не отрываясь от чтения отчетного документа.

Не смущаясь, Ключников втиснулся, аккуратно притворил за собой дверь, оббитую оцинкованным железом.

– Мне завтра уезжать.

– Попутного тебе ветра...

Потерпев временную неудачу, Кеша решил зайти с другого фланга:

– Я еду в Питер...

– Семь футов тебе под килем...

Шагнув ближе, прапор тихонько шепнул:

– Я за расчетом.

– Денег нет.

Кашлянув, Кеша выдал из себя:

– Я в долгу не останусь...

Маленькие глазки Ничипоренко с ленивой медлительностью долго поднимались, оценивающе скользя по фигуре долговязого прапорщика.

– Тридцать процентов. Подпись, через десять минут все получишь на руки за вычетом энной обусловленной суммы.

– Я согласен...

Через полчаса Ключников тщательно упаковывал свои нехитрые пожитки, мучительно размышляя, куда припрятать скопившуюся у него немалую сумму как в твердой, так и в «деревянной» валюте.

Окрашенный в серые защитные цвета армейский «Хаммер» тяжело переваливался с одного бронированного бока на другой бок, петлял по извилистому серпантину горной дороги. Человек за рулем вздохнул:

– Вай, как тут человека бедная живет...

Небольшое селение лепилось к скальным отрогам. Жалкие лачужки из плохо подогнанного камня и щелястых досок, словно ласточкины гнезда, цеплялись к крутому склону горы. Их в полнейшем беспорядке выстраивали одно над другим.

– Дальше моя не едет... – водитель с сомнением качнул головой.

На глазах сужаясь, дорога превращалась в узенькую тропку. На ней отчетливо проглядывались ссохшиеся отпечатки копыт, следы ишака – единственного транспортного средства, связывающего тот отдаленный горный аул с большой дорогой.

– Мой машина – не тощая ишака...

Не проронив ни единого слова, широкоплечий мужчина, сидевший на правом сиденье, толкнул рукой дверцу, грузно вывалился наружу. Он раздраженно поморщился и тяжело зашагал вперед...

Молодая женщина выпекала лепешки и никого в гости не ждала. Она нервно вздрогнула, когда скрипнула покосившаяся дверь и в узком проеме показалась плотно сбитая фигура нежданного гостя.

– Мир твоему дому, Замира. Да ниспошлет тебе Всевышний Аллах свою благодатную помощь. Трудно тебе приходится без мужа...

Пряча опечаленные глаза, хозяйка тяжело вздохнула. В ней давно сидела и надежно укрепилась уверенность, что все на их несчастливой земле случается исключительно по одной воле Аллаха. И лишь одному Всевышнему дано знать, кого и когда он призовет к себе.

– Пришло время отомстить за смерть твоего мужа Заурбека...

Скорбящая горянка замерла. Поняла она, что вот и настал тот час, к которому она столько времени готовилась.

– Наша семья никому и ничего не прощает...

Не снимая папахи, мужчина присел на единственный табурет. Вся скудность обстановки гостя не удивляла. Деревянные нары заменяли кровать. Вместо стола использовали окрашенный в темно-зеленый цвет армейский ящик из-под военно-технического имущества.

– Он еще пожалеет, что перешел дорогу Садыровым...

Дрогнула женская рука. Румяная лепешка выпала из ослабевшей кисти, шлепнулась на выметенный земляной пол. Учув дурманивший запах, из норки вылезла крыса, схватила упавший с неба кусок.

– Он едет не один. С ним русский. Ты должна убрать обоих...

– Я все сделаю, если позволит Всевышний...

– У тебя в запасе не больше часа... Они проследуют через пост.

Жалобно скрипнула дверь, толкаемая сильной и уверенной рукой. Мужчина, не попрощавшись, ушел, оставил вместо себя тревогу.

Напряженно глядя в темный угол, молодая горянка машинальными движениями накидала горячие, с пылу и с жара, лепешки в холщовую котомку поверх туго обмотанного довольно увесистого свертка...

Сержант Ильин удивленно моргнул, когда за его спиной тихим шорохом посыпалась на дно окопа земля и грудной голос произнес:

– Соскучилась. Сил не осталось ждать до вечера...

Кинув предупредительный взгляд в сторону бойца Кирьякова, старший передового наблюдательного поста чуть слышно шепнул:

– Погодь, сейчас Серко спроважу...

Отосланный сержантом, рядовой, недоуменно пожимая плечом и недовольно ворча, поволочил уставшие ноги в сторону аула.

– Приспичило... будто не знаю, что бабу он тискает...

Поправляя платье, смущенно опуская залитое яркой краской лицо, женщина показала рукой на котомку:

– Лепешки тебе испекла. Молочка прихватила...

Удовлетворенный и насытившийся, парень утомленно откинулся к стенке окопа и захрипел. В уголках его губ пузырилась слюнявая пена.

Прильнув к оптическому прицелу снайперской винтовки, горянка терпеливо выжидала. Гости не появлялись, и слышались шаркающие шаги возвращающегося Кирьякова.

– Глянь, недурно вы тут устроились! – рядовой схватил наполовину опорожненную бутылку с молоком. – А мне ты дашь?

– Дам... – женщина, испуганно моргнув, кивнула головой.

Покорно шагнув к бойцу, она послушно приподняла подол, оголяя бедра, ослепляющие молодого парнишку своей не загоревшей белизной.

– Яка ты гарная... – боец, вздрагивая, дотронулся до тугой груди.

Жадно ощупывающие женское тело руки внезапно ослабли, а сам солдатик пьяно покачнулся, присел на дно окопа. Стриженный затылок скользнул по земляному брустверу. Ноги, вздрогнув, выпрямились.

– Поспи, сосунок, – Замира качнула головой. – Не дорос еще...

Прокатившийся по полю слабый порыв ветерка принес с собой нарастающий гул двух приближающихся машин. Замира встrepенулась и снова схватилась за снайперскую винтовку.

К удаленному блокпосту федеральных сил, нещадно пыля, катились черный внедорожник и армейский вездеход производства ульяновского завода. Долгожданная цель приближалась.

Заранее извещенный об их проезде, старший прапорщик Фесько, выказывая внезапно проснувшееся служебное рвение, занял позицию возле шлагбаума. Он усилием воли давил в себе пьяную икоту, тарашил во все стороны покрасневшие зенки. Прапор глухо буркнул:

– Несет же черт лешего на мою бедную головушку...

Прильнувшая к окуляру прицела, женщина нащупала лицо Тахоева, но стрелять не торопилась. Перед нею стояла трудная задача: поразить два объекта, вдобавок ко всему, сидящих в разных машинах.

– Ему легко сказать, – хмыкнула Замира, – убрать обоих...

Если же Тахоев был практически обречен при любом раскладе, то полковник ФСБ запросто мог унести свои ноги.

– Омара точно достану, – прищурилась женщина, – а русского...

Как совершенно непредсказуемо ни развивалась бы сама ситуация, Замира собиралась первым своим выстрелом снимать Тахоева. А что касается Пестикова – тут уж как сложится пасьянс на Небесах.

Случится везучая возможность, ляжет масть – она выстрелит и по полковнику. И в то же время Замира прекрасно понимала, что человек из ФСБ глупо подставляться не станет, не предоставит ей шанс после того, как она шлепнет Тахоева. Поостережется, не выйдет он на линию огня, побоится за свою шкуру, заляжет, спрячется в нору, выждет время, пока все близлежащие окрестности со всем тщанием не прочешут.

Сами не осознавая того, потенциальные жертвы стрелка безмерно облегчили задачу снайперу и тем самым предрешили свою участь.

– О, Аллах! – по женским губам пробежала улыбка.

Не доехав до шлагбаума, обе машины разом остановились. Не желая светить свою личность перед прапорщиком, Пестиков сидел и, выжидая, смотрел на черный внедорожник. Большого желания еще раз выслушивать упреки чеченца он в себе не ощущал. А вот Тахоев решил напоследок высказаться. Озлобленно хлопнули дверцы машин...

– Аллах лишил Омара разума... – прошептали женские губы.

Отойдя в сторону, мужчины без предисловий и разминки сцепились в ожесточенной перепалке. Они хлестко обменялись нелицеприятными фразами, выплескивая накопленную злобу, и собирались расстаться, в душе желая друг другу всего наихудшего. Накликали они на себя беду.

И в это мгновение указательный пальчик молодой женщины плавно потянул за спусковую скобу. Раскаленный кусок металла вестником свершившейся кары жарко тюкнул в коротко стриженный затылок Омара Тахоева, представителя непризнанного правительства Ичкерии.

Отпустив спусковой крючок, Замира нашла перекрестием прицела перекашивающийся рот полковника ФСБ и снова потянула за скобу.

Должно быть, Пестиков не успел удивленно моргнуть, как жгуче больно жалящая смертоносная пчела вонзилась чуть выше переносицы.

– Твою же мать! – Фесько ошарашенно вращал непонимающими зенками. – У меня крыша едет, или я еще сплю...

Не мог прапор поверить, что убийственный огонь велся со стороны поста, где находились два подчиненных ему бойца.

Вложив винтовку в руки спящего сержанта Ильина, Замира, низко пригибаясь, прикрываясь бруствером, кинулась в открытое поле, нашла заранее присмотренную глубокую канаву.

– О, Аллах! – горячечно шептала она, нажимая на кнопку пульта дистанционного управления.

Прогремел оглушительный взрыв. Вверх взметнулся столб серого дыма. Взлетели ввысь черные земляные комки...

Мгновенно протрезвевший, Фесько нетвердыми шагами прошел к помещению, где стоял телефон. Но он сперва опрокинул в себя теплую и вонючую жидкость и лишь потом позвонил, глухо сообщил наверх о случившемся. Грозовые тучки над его бедовой головушкой сгустились до отметки «Буря»...

Понаехали к ним начальники с большими звездами и лампасами на штанах. Его допрашивали, но Фесько, успевший к приезду комиссии выбрать полную дневную норму, отрешенно смотрел поверх человека в прокурорском мундире и на задаваемые ему вопросы не отвечал...

5

Еще издали Асхадов заметил, что возле блокпоста творится нечто неладное, притормозил, раздраженно выругался. Русские, которых, они, было, выгнали из своих же родных краев, снова пришли на их землю, кругом расставили свои воинские заставы, не дают им житья.

– Прав был Иса Арсенович, когда говорил, что москвичи так просто не дадут нам уйти, – Аслан стукнул кулаком по рулевой колонке.

Вспомнив про Мирзоева, Асхадов усмехнулся. Он долго еще боялся одного имени приемного отца своей жены Марьям, потом покрывался.

– Дурак! – женщина смеялась над его страхом. – Пока ты живешь со мной, он и пальцем тебя, своего зятя, не тронет...

Не сразу, но постепенно отношения с тестем наладились. Мирзоев тогда всесторонне помог со строительством дома в горном селении. А вскоре открылось то, из-за чего Иса Арсенович торопился с их домом.

– Случись война, сынок, в твоих подвалах можно будет отсидеться, – секретарь райкома довольно потер ладони.

– Какая война? – Аслан непонимающе приоткрыл рот.

Оглянувшись по сторонам, хорошо зная, что и у стен имеются уши, длинные и коварные, Иса Арсенович назидательно проговорил:

– Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути...

Не сразу до парня дошло, про что вталкивал ему тесть. Речь у них пошла о том, как их новый Генсек, сам того не понимая, распустил все вожжи государственной власти, дал свободу болтунам и демагогам.

– У нас в стране, – Мирзоев усмехнулся, – демократию понимают, как слабость власти, ее полную неспособность жесткой и беспощадной рукой проводить курс, взятый партией и правительством...

И весь ход дальнейших событий показал, что умнейшим мужиком, провидцем оказался приемный папаша жены. Как в воду он смотрел.

Накаркал вещун, что в удаленных провинциях начнется движение за отделение от центра, борьба за территориальную независимость.

– Власть, скорее всего, без боя нам уйти не даст, – поучал тесть. – Нам для защиты родной земли понадобятся оружие и деньги...

– Деньги... где их взять? – Аслан почесывался в затылке.

По его мнению, такую прорву деньжищ взять было неоткуда, если только не наладить им самим выпуск фальшивых банкнот.

И тут им помогли друзья из-за границы, быстренько наладили у них выпуск поддельной американской валюты. Фальшивые доллары дельцы меняли на настоящие рубли. Потом русские деньги стали привозить к ним мешками на самолетах и на поездах, когда пошли аферы с авизо...

А оружие они добыли, когда Союз развалился и бессильный центр молча взирал на то, как отряды самообороны грабили склады войсковых частей. Практически он ничего не предпринял, дал им вооружиться.

Глядя на стремительно развивающиеся события, Мирзоев мыслил о том, что у них будет собственная армия, способная с оружием в руках отстоять независимость их гордого народа. Однако он не исключал и всяких иных вариантов и с осторожностью предполагал:

– Случись что, мы прибегнем к методам партизанской войны...

Тесть мыслил о будущем. А пока же люди, подобные Мирзоеву и их приверженцы, вели в республике подрывную работу. Они говорили:

– Следует использовать то, что нами командует ингуш...

Любой мало-мальски грамотный человек знал, что по конституции высшим органом государственной власти в их автономной республике являлся однопалатный Верховный Совет, который на всеобщих выборах избирался населением на пять лет.

– Русские думают, – хмурился Иса Арсенович, – что мы потерпим над собой этого дегенерата Бокова. Дни его сочтены...

Верховный Совет имел свой Президиум во главе с Председателем. Последние семнадцать лет до 90-го года пост занимал Хажбикар Боков, ингуш по национальности, ставленник Москвы.

Мирзоев и подобные ему люди провоцировали народные массы на выступления против власти. Повсюду проходили «стихийные» митинги.

Черную «Волгу» Бокова на одном из перекрестков зажали в тиски, к нему на заднее сиденье подсади крепкие люди в черных масках.

– Кто вы? Что вам от меня надо? – Хажбикар почувствовал, как по его спине холодными струйками потек пот и страх лишил его сил.

– Сам ты нам не нужен, катись на все четыре стороны...

Ни живой и ни мертвый, Боков понял, что пришли забирать у него власть и ему лучше все отдать самому, пока не выдрали с корнями...

Вернувшись в свой кабинет, Хажбикар собрал все свои документы и личные вещи. Сюда он больше ни за какие коврижки уже не вернется. Боков переехал в Москву. Дал деру Боков, когда запахло жареным...

– Высшая власть, – будоражили народ провокаторы, – принадлежит русским. А это неугодно Аллаху, это против наших законов и адатов.

Основным органом власти в Чечено-Ингушетии был обком КПСС. Его первый секретарь и являлся «первым лицом» республики. На эту должность ставили исключительно русских. Чеченцам не доверяли...

Вторым лицом у них считался Председатель Верховного Совета. Над ними двумя была лишь Москва, начиная от генерального секретаря, политбюро и организационного отдела ЦК КПСС, который вплотную-то и занимался назначением номенклатурных кадров.

– Пусть вспомнят, – тесть повышал голос, – про нашу депортацию!

В этом месте Мирзоев не уточнял, что выгнали их с родных земель не русские люди, а приказ отдали два грузина: Сталин и Берия.

Всем оказалось выгодно ассоциировать жестокую и бесчеловечную акцию именно с русскими, с Россией...

В конце 88-го года, когда Аслан по делам приехал в Москву, к нему в номер без предупреждения заявила младшая дочка Мирзоева.

– Алия! – у него волнительно задрожали губы. – Ты?

– Нет, – молодая женщина нервно хохотнула, – привидение в юбке. Так я пройду?

Пока Асхадов мучительно долго «переваривал», неожиданная гостья прошла и плюхнулась на диванчик. На одно мгновение коротенькая и с широкими складками юбчонка взлетела, обнажив крепкие бедра.

– Что, не рад? – Алия лукаво прищурилась. – Видишь, сама к тебе пришла... Ну, чего застыл, как пенек с ушами...

– Я... – Аслан схватился за трубку телефона.

Нисколько не стесняясь мужчины, Алия на его глазах разделась и, изящно покачивая бедрами, прошла в ванную. Дверь кокетка оставила чуть приоткрытой, позволила ему насладиться видом ее прелестей...

В дверь номера постучали, вкатили столик с заказом. Асхадов, не считая, кинул пачку червонцев, поторопился поскорее выпроводить в коридор любопытствующую девушку, на лице которой прописалось то, что она служит внештатным агентом КГБ.

– Что скажешь? – с коварной улыбкой на лице Алия провела своим тонким пальчиком по ложбинке между потрясаяще упругими грудями, медленно опустилась к пупку, дотронулась до аккуратно подбритой по бокам темноватой и кучерявой опушки.

– Я... – Аслан потерял дар речи.

– Чё застыл, я не кусаюсь...

Под утро Аслан в самых мельчайших подробностях знал про то, что личная жизнь у нее не сложилась. Не вышло у нее жить так, как на годы вперед расписал Иса Арсенович ее дальнейшее жите-бытие.

– Папа мой думал, – Алия в задумчивости подобрала ноги под себя, – что на всю жизнь благодетельствовал меня...

К тому времени сам Мирзоев перебрался в Москву, в аппарат ЦК. И мужа для своей ненаглядной дочурки он подобрал не на дороге, а взял из всеми уважаемой семьи, глава которой плодотворно трудился в их Министерстве иностранных дел.

– Драным козлищем мой дорогой муженек оказался, – горестная складка прочертила женский лобик. – Сам он ни одной юбки мимо себя не пропустит, а меня к любому столбу ревнует. Смотрит на меня, как на собственную вещь. За каждым моим шагом следит...

Вспоминая про то, как Аслан ее похитил, она грустно улыбалась. Никому Алия не рассказывала, что горько сожалела о том, что вместо нее замуж за Асхадова пошла Марьям. Она втайне завидовала сестре, не понимала, чего привередливой не в меру Марьям по жизни не хватает.

– Ты сладкий и сильный! – женщина вздохнула. – И все же ты тогда не смог лишить бедную девушку невинности... Оплошал ты...

– Твой отец мог закатать меня под асфальт.

– Он и сейчас может... Силу набрал...

Их связь то прерывалась, то возобновлялась. Мирзоев смотрел на их отношения сквозь пальцы. А когда же тестя Алии турнули из МИДа, Иса Арсенович все устроил так, чтобы его сынок исчез с их горизонта.

К тому времени у Алии росла девочка. Никто из самых близких ей людей нисколько не сомневался в отцовстве Аслана...

Как и предсказывал Мирзоев, влияние центра на глазах слабело, и он упускал из своих рук властные рычаги. В 90-м году впервые «первым лицом» в Чечено-Ингушетии стал чеченец Доку Завгаев. Поначалу всех охватило радостное чувство. Чуть позже к ним пришло отрезвление.

– Поменяли мы шило на мыло, – иронизировал Мирзоев, непонятно улыбаясь и на что-то туманно намекая.

Чеченец Завгаев оказался неоднозначной фигурой. При нем многое стало меняться. И многое простые чеченцы не одобряли. Прежде всего, кумовство, протекционизм и коррупцию.

– Доку рассадит на хлебных местах свою семью, – предсказал Иса Арсенович. – Он станет защищать интересы своего клана...

Придя к власти, Завгаев устраивал на все престижные должности людей из круга своих близких и дальних родственников. Доку требовал беспрекословного подчинения и оказался непомерно мстительным.

– Завгаев вконец заигрался, – как-то за «рюмкой чая» посетовал тесть. – Люди от него отвернулись. Его песенка спета...

Личностные конфликты Завгаева сыграли роковую роль в жизни республики и в приходе к власти Дудаева. Одним из первых звонков Иса Арсенович называл историю с Русланом Хайбулатовым, когда их Тимранович захотел стать ректором Чечено-Ингушского университета в Грозном, где уже работали его сестра и брат.

– Это место за мной! – в кругу друзей заявил профессор.

У Хайбулатова был высокий авторитет в Чечне: окончил МГУ, стал профессором, заведовал кафедрой в Москве. И он рассчитывал, что это место должно достаться именно ему.

– Дело в шляпе! – хвастался Тимранович.

Но Завгаев не послал его кандидатуру на утверждение в Москву, и это стало большим оскорблением для Руслана Хайбулатова.

– Я Доке этого не прощу! – Хайбулатов кровно обиделся.

Потом Руслана избрали от Чечни в народные депутаты России, и он оказался ближайшим соратником Ельцина во время августовского путча. А когда Хайбулатов встал во главе Верховного Совета России, то первым делом не простил Завгаеву старую обиду, затаил ее до поры и до времени. Тимранович готовил почву для атаки...

Использовал Руслан сначала прогорбачевскую позицию Завгаева, а потом его неясное поведение во время путча и решил с ним покончить.

Слышал Мирзоев, как Хайбулатов в горячке разок сказал: «Завгаева в Москву надо доставить в железной клетке». Практически весь Центр настраивали против Доки, благодаря проискам Тимрановича.

Вскоре Джабраил Гакаев поведал, что на одном из их собраний, когда они сошлись в его, бывшей брежневской, квартире, Хайбулатов им напыщенно брякнул: «Я – отец нации».

Многим чеченцам, людям уже известным и со статусом, было про то весьма странно все слышать. Изрядно Руслана заносило.

Распри и разногласия внутри чеченской элиты особенно усилились именно при Завгаеве. Раздорам способствовали горбачевские перемены, когда наступила политическая либерализация и началась более жесткая борьба за власть вне номенклатурной системы.

Молодая демократия, отвергая прежние авторитеты, выдвигала на передний план своих амбициозных представителей, за которыми стояли определенные западные круги, кровно заинтересованные в максимально возможной дестабилизации обстановки на Северном Кавказе.

Время не стояло на месте, и власть в республике поменялась. У кормила Чечни неожиданно для многих встал генерал Джохар Дудаев. За ним стояли воинственно настроенные круги чеченского общества.

При встрече тесть обмолвился, что один из уважаемых стариков однажды посетовал: «Не надо было нам менять Завгаева на Дудаева. Завгаева и его родственников мы накормили досыта. Они все имели. Теперь пришел новый – его снова надо накармливать».

У Дудаева был слабый родовой тайп, поэтому ему приходилось все время лавировать, искать себе сильных союзников на стороне.

– Все кушать хотят, – философски подытожил Аслан свой экскурс в недалекое прошлое. – Каждому на блюдецке подавай...

Когда профессора Хайбулатова погнали с Верховного Совета, тесть Асхадова перебрался на берега туманного Альбиона, поближе к Закаеву и его окружению. В руках Мирзоева сосредотачивались многие потоки денежных средств, аккумулировались на подконтрольных ему счетах.

Красавица Алия уехала вместе с отцом и через полгода неожиданно вышла замуж за английского аристократа с древней родословной. Никто сильно не акцентировал внимания на том, что все родовые поместья лорда были многократно перезаложены.

Восточная красавица скоренько родила британскому аристократу наследника, и ее положение упрочилось. Отныне за свою дальнейшую судьбу Алия могла не переживать. Положение в обществе, купленное на деньги отца, казалось незыблемым, чего нельзя было сказать за Аслана.

Его все больше тревожила ситуация на блокпосте. Асхадов заметил, что русские усиленно ищут, навозными мухами роятся возле военного Уазика и стоявшего рядом внедорожника. Его обостренное внимание привлекло черное земляное пятно, которого еще днем не наблюдалось.

– У, шайтан! – выругался он и погрозился кулаком.

У Аслана больше не оставалось сомнений в том, что на территории блокпоста совершили теракт, и это сильно осложнило его задачу.

Решив не испытывать судьбу, Асхадов дал задний ход, медленно попятился, укрываясь за ближайшим скалистым гребнем.

В суматохе проводимого ими разбирательства федералы маневр Асхадова, вроде бы, не засекли, оставили без должного внимания.

Но наблюдавшая за всем из своего укрытия, Замира машину своего соседа «запеленговала», и ей в голову пришла неожиданная мысль.

– Попался в западню... аспид! – по женским губкам пробежалась мстительная улыбочка. – Не все скоту масленица...

В отличие от многих сельчан она прекрасно знала, на чем именно зиждилось материальное благополучие ее соседа. Замира пребывала в курсе того, что Асхадов причастен к похищению многих людей с целью получения за них выкупа. Головорезы разработали новый вид бизнеса, уходящий своими корнями в дикое доисторическое прошлое. Имелось в виду похищение людей и работоторговля.

Но настало время, когда воровать людей в Чечне или переправлять их туда стало сложно, и тогда бандиты упростили себе задачи.

Случались похищения людей из Петербурга, но при этом жертву могли держать в соседнем квартале. Похитители связывались со своими чеченскими собратьями, людоедами типа Арби Байраева, а те посылали «приветы с гостеприимного Кавказа» родственникам похищенного, требуя за свое гостеприимство огромные выкупы.

И оглушенные горестным известием бедные люди верили, что их родные томятся в чеченских зинданах, срочно искали деньги, продавали все на свете, лишь бы вызволить из беды несчастных сородичей...

– Поджарят тебе пятки, душегубу... – женщина сжала кулак.

Когда Асхадову удалось уйти незамеченным, Замира досадливо взмахнула рукой, сетуя на несправедливость высших сил. Она решила сама активно вмешаться в воздействие расположения планет на судьбы людей, не пуская столь важное дело на самотек. Ее уста изрекли:

– Если гора не идет к Магомеду, Магомед сам идет к горе...

Горянка доподлинно знала, откуда ее сосед мог бы благополучно выскочить из раскинутых федералами сетей. Имелся еще один путь, опасный и труднопроходимый для легковых машин. Грузовые авто по своим габаритам и вовсе не проходили через ту скальную теснину.

Горный ручей вековыми усилиями продолбил в каменистой гряде узкую щель. Пришли люди и расширили проход, через который отныне могли протиснуться не только конный джигит, но и легкая повозка.

Дождевые потоки исподволь подкатывали валуны, нагромождали камни в непроходимую преграду. А горцы раз за разом расчищали потаенный путь контрабандистов, о котором знали немногие. Проход использовался ловкими дельцами для их не вполне законных затей.

Обогнув гряды, Замира вышла с западной стороны и глазами нашла приближающуюся к ней машину Аслана.

Мощный двигатель внедорожника урчал и завывал, широкие колеса с трудом преодолевали усыпанную валунами полосу препятствий.

– Думаешь, ты самый умный, да? – злорадно усмехаясь, женщина с трудом столкнула с кручи тяжеленный камень.

Огромный, обтесанный ветрами и талой водой булыжник, нехотя покачнувшись, покатился, набирая скорость, увлекая за собой встреченные по пути камни и камешки.

Щебенистый поток, расширяясь, понесся к рукотворному проходу, щедро засыпал его, иссякнув силой, замер непреодолимой горкой.

– А это еще кто? – женщина непонимающе прищурилась. – Хвост за нами, что ли, увязался? Всевышний услышал мои молитвы...

Вслед за темно-серым внедорожником Асхадова, переваливаясь и покачиваясь, кралась боевая машина десанта. Федералы все ж заметили Аслана и его бегство, отрядили за ним погоню. Женщина их видела, а ее сосед о приближающейся к нему опасности никак не подозревал, так как из-за неровностей ландшафта он пока не видел боевой машины.

– У, шайтан! – горец заскрежетал зубами, когда бампер его авто уперся в непреодолимый с ходу щебенистый завал.

Понимая, что назад ему путь отрезан, Аслан выскочил, взобрался на кучу, оглянулся, узрел, что если вручную разбирать затор, то работы ему не на один час. Не мешкая, он ухватился за самый большой валун.

Из-за своего укрытия, Замира внимательно следила за танцующей между каменистыми грядами БМД. Она понимала, что через несколько секунд федералы наткнутся на застрявший в теснине джип, и решила подстегнуть события. Замира прицелилась из автомата, который забрала на наблюдательном посту, и два раза нажала на спусковую скобу.

В ответ БМД огрызнулась пулеметным огнем, частыми выстрелами из подствольных гранатометов. Жгучим факелом вспыхнул джип.

– У, шайтан! – горец, как подломленный, рухнул наземь.

Недолго думая, Замира швырнула АК-74 вниз. Автомат шлепнулся возле ног Асхадова. Загнанный в угол, Аслан без задней мысли тут же подхватил оружие, посланное ему свыше, и принялся отстреливаться...

Почти незамедлительно Инге сообщили о том, что ее муж, Борис Пестиков, погиб, выполняя важное правительственное задание.

– Вот и все... – русоволосая красавица облегченно выдохнула.

Замерев, она долго смотрела на себя в зеркало.

– Туда ему и дорога! – на ее губах застыла злая усмешка.

Все решилось само собой и устроилось как нельзя лучше. И ей больше не придется через силу заставлять себя спать в одной постели с нелюбимым мужиком и делать вид, что она безумно в него влюблена.

– И как вовремя! – щелкнула девушка пальчиками.

Подмигнув отражению, Инга качнула головой. Ни днем раньше, ни днем позже. Она враз приобрела статус мужней жены, точнее, вдовы заслуженного и всеми уважаемого человека. Чем черт не шутит, может, Борису посмертно дадут Героя, и у нее... Впрочем, ей и так достанется немало. Московская квартира и машина. Кругленький счет в банке...

– Выпьем же за упокой его души, – Цветкова поставила на стол две рюмки, до самых краев налила в них водки.

Выпили, закусили. Леся хотела спросить, но не решилась узнать, по ком они на пару справляют тризну.

– Я пойду... – она нерешительно поднялась.

– Да, твой документ, – хозяйка вынула из ящика паспорт Ищенко, припрятанный ею по распоряжению Пестикова.

Весь смысл хранить и дальше паспорт гостыи пропал вместе с уходом из жизни того, кто велел ее документ на время прибрать.

– Борис хотел кое-что проверить, – бездумно произнесла Инга.

Ей, по сути, было все равно. Цветкова не понимала войны. Она не могла разобраться, на чьей стороне правда, не хотела кого-то винить и кого-то оправдывать. Для нее обыденно шла война, из которой Инга изо всех своих сил хотела выбраться, потому как ей все до смерти обрыдло.

– Я пойду... – Леся поспешила откланяться.

После того, как Украинка заполучила свой паспорт, ничто больше не удерживало девушку в домике полковника ФСБ. Подхватив сумку, она вышла и столкнулась у крылечка с долговязым парнем в потертых джинсах, в сильно застиранной футболке с хищным кондором на груди.

– Я дико извиняюсь, – Кеша окинул девушку изучающим взглядом. – Мы с вами раньше не имели счастья быть знакомыми?

– Если только в другой жизни, – с малой толикой презрительности фыркнула Леся и заспешила к штабу.

Там она почему-то ощущала себя в наибольшей безопасности. От порученца генерала густыми волнами исходили доброжелательность и ненавязчивая предупредительность.

Без стука Кеша беспардонно ввалился в незапертую дверь.

– Я вам искренне соболезную, мадам Пестикова! – Ключников со всей возможной наглостью и развязностью развалился в кресле.

– Уйди с глаз моих долой! – зашипела на него Цветкова.

Все больше раздражаясь от понимания собственного же бессилия, Инга подскочила к парню, замахнулась на него рассерженной рукой:

– Оставь меня в покое!

Будто сидевший в засаде тигр, Кеша пружинисто подался вперед и сжал девушку в крепких объятиях. Он жарко шепнул:

– Расслабься, шалава, и получай удовольствие...

Откинув голову, Цветкова отстраненно подумала, словно о ком-то другом, что ничего ей не остается, как подчиниться мужской воле.

Вернувшись в аул, молодая горянка, не заходя к себе, вошла во двор соседа и крикнула Марьям, чтоб та вышла из дому.

– Я забираю детей к себе, – твердо заявила Замира.

– А что скажет мой? – жена Аслана прищурилась.

– Думаю, федералы не простят ему теракт у блокпоста...

Не интересуясь подробностями, Марьям выслушала версию своей соседки о том, что произошло на каменистой гряде.

– Не бойся, я сильно убиваться по нему не стану, – она улыбнулась сквозь силу. – Мальчонка на пастбище. Я сама овец пригоню. Ты пока собирай свои вещи в дорогу...

До смерти запуганный угрюмым хозяином, Юрко долго отказывался понимать, почто ему в неурочное время велят гнать стадо в загон. Не сразу до него дошло, о чем твердила ему обычно немногословная жена державшего их в неволи бородача.

Придерживая выпирающий живот, Анюта бездумно смотрела на то, как Замира складывала свои нехитрые пожитки.

– Одень-ка это, – женщина протянула девчушке ситцевое платье. – Чуть великовато тебе, да не беда. В городе купим тебе новое.

Смущенно отворачиваясь, стесняясь своей худющей наготы, Анюта скинула с себя просвечивающие лохмотья, торопливо набросила на свои плечи добротную одежду, которая пришла ей почти впору. Росточком ее Боженька не обидел. Кости, правда, во все стороны выпирали. Да это и не беда – мясо-то еще прирастет, лишь бы вырваться ей из плена.

– Пойдем мы через русский пост, – Замира вывела подростков на дорогу. – Вы им все сами без утайки поведаете...

Проходя мимо воронки, молодая горянка тяжело вздохнула. Аллах тому свидетель, что не хотела она и всему виной обстоятельства. Не в добрый час и не на том месте стояли солдатики на посту. Всему виной непонятная война, пришедшая на их землю. Скорее бы русские навели у них порядок. При бандитах совсем невозможно стало им жить...

То и дело взволнованно оглядываясь по сторонам, напуганная тем, что ей открылось, Леся едва дождалась прихода Дьяченко. Порученец генерала принес извинения за свое опоздание и сообщил:

– Банкет отменяется. Буров намеревался вас проводить. Увы, у нас сегодня одно ЧП за другим. Как напасть какая-то...

Камуфлированный УАЗ ходко гнал по хорошо укатанной дороге. Темнело. Навстречу ехали две желтые мигающие фары. Они неуклонно приближались. Чтобы безопасно разъехаться, их водитель принял чуток вправо. Переднее колесо выскочило на обочину. Яркая вспышка. Грохот. Военный вездеход в воздухе перевернулся, тяжело упал на левый бок.

– А-а-а! – протяжно закричала Леся, теряя от боли сознание.

Спереди, пытаясь выбраться, зашевелился оглушенный сержант. Капитан признаков жизни не подавал. Фугас разорвался прямо под ним, оборвав его брэнное существование на самом начале карьерного взлета.

Окончательно пришла в себя Леся, когда ей сделали операцию в госпитале. Как их довели до Краснодара, она не помнила...

Глава вторая

Когда уходит почва из-под ног

1

– Уважаемые пассажиры! Наш самолет совершил посадку в аэропорту города Краснодар. Просьба ко всем пассажирам оставаться на своих местах до полной остановки двигателей...

С большим трудом Дина сдерживала себя, чтобы не вскочить и не помчаться к выходу, туда, где еще лениво подкатывался трап, сновали чуть подуставшие проводницы, донельзя довольные тем, что они снова оказались на твердой земле. Прошли безразличные ко всему пилоты. Их лица говорили, что в очередной раз им удалось посадить на землю свой воздушный борт, который неизвестно как до сих пор еще летает и пока не развалился в воздухе от предельных перегрузок.

– В госпиталь, – коротко кинула Дина подкатившему частнику, не обратив должного внимания на озвученную им кусачую сумму.

По пути водитель много говорил. О чем-то спрашивал, на что-то по дороге показывал, но она ничего вокруг себя не замечала. Только одно, одно у нее было на уме. Она стремилась к нему, и оно же пугало ее.

Никак она не могла взять в толк, ну, почему, почему он так с ней поступил. Ушел бродяга, навсегда ушел. И вот теперь она должна будет проститься с ним. С тем, без кого она не чаяла свою жизнь. И эта мысль казалась невыносимой. Прожить всю оставшуюся жизнь без него, зная, что его уже нет. Существовать, зная, что ей больше никогда уже не услышать его родного голоса, не ощутить рядом с собой его крепкое и дружеское плечо. От всего этого можно было запросто сойти с ума.

– Приехали. С вас... – обиженно буркнул водитель, уязвленный тем, что залетная дамочка и глазом не повела в его сторону, не оценила его, кстати, довольно популярную в округе местную знаменитость.

Многие пассажирки считали для себя за особую честь сесть именно в его машину и лихо проехаться с ним. Он уже не говорил про то, что оказывал своим клиенткам и иные услуги. Но стильная дамочка, видно, оказалась с приветом. А может, она из тех, чьих родственников свозили весь вчерашний день? Мертвяков доставляли со стороны гор, где шла настоящая война. Тогда, ее можно понять. У человека большое горе...

Мечась по госпитальным коридорам, Дина рвалась в морг, но ее в мрачноватый подвал упорно не пускали. Люди в белых и в застиранно-зеленых одеждах никак не могли ее понять. А она, в свою очередь, не могла постигнуть их. Господи, думалось ей, какие же они все до ужаса непонятливые! Она должна, должна опознать его...

Разве трудно им взять в толк, что ее Рэм не может, что он просто не должен валяться в общей куче? Ее муж заслуживает лучшей участи. Для этого она и прилетела... Что, о чем еще можно говорить?

Наконец, когда женщина объяснила, что приходится женой майору, у которого не было документов, но нашелся ее снимок, дежурный врач в приемном покое скинул с себя отчужденную маску, которая позволяла ему абстрагироваться от густо ползущего по всем коридорам, наполняя собой операционные и реанимационные палаты, невыносимого горя.

Не сразу, а постепенно до нее доходят слова, повергшие ее в шок.

– Да жив он, жив. С чего вы взяли, что он погиб? – мужчина в белом халате успел приветливо улыбнуться. – Его уже опознали сослуживцы. И почему же вы, милая моя, говорите о нем, как о погибшем? Повторяю вам, что он жив. Жив. Вместе с ним уцелело еще шесть человек. Они обложили раненых камнями и бронежилетами, снятыми с погибших товарищей. Это позволило некоторым из них выжить...

Медленно, теряя опору в ногах, Дина оседала на каменный пол. Она была стоически готова к тому, что его уже нет, а радостное известие ее буквально подкосило. Не только одно непомерное горе, но и безмерное счастье тоже, оказывается, может запросто свалить человека с ног.

Всполошенно замелькали перед женскими затуманенными влажной пленкой глазами чьи-то растопыренные пальцы. За узенький краешек уже уходящего сознания зацепился испуганно-требовательный крик:

– Сестра, быстро нашатырь!

С глухим стоном женщина опустилась на пол. У нее в последнее время пошаливало давление. Глубокий обморок...

– ...Тяжелая контузия, многочисленные ушибы внутренних органов, – монотонно перечислял лечащий врач. – Множественные осколочные ранения конечностей, рук и ног. Снаряд разорвался в нескольких шагах от него. Наверное, только чудо спасло майора. Чудо и, может, огромное желание выжить. Ему одну за другой сделали несколько операций. Он еще не отошел от наркоза. Надо ждать, пока он не придет в себя...

– Я буду ждать, доктор. Буду ждать столько, сколько будет нужно. Хотя бы это ожидание и длилось бы всю оставшуюся жизнь...

На израненного мужа ей трудно было смотреть без содрогания. Весь он перебинтованный. Лицо у него, как один сплошной кровавый синяк.

Появившийся луч надежды, а вместе с ним свалившаяся на хрупкие женские плечики невероятная усталость, исподволь накопившаяся за долгую, тяжелую дорогу. Волнение. Помалу они все скопом брали свое. Прошел час, второй, и ее голова незаметно, помимо воли склонилась на грудь. Когда женщина, очнувшись, открыла глаза, она встретилась с его неподвижным и напряженным взглядом. Господи, он очнулся...

– Рэмка, – Дина прильнула к его груди, – дорогой мой, любимый мой! Но почему, почему ты снова захотел уйти от нас?

– А-а-а, – донеслось до нее сквозь его распухшие губы.

Видимо, муж силился что-то ей сообщить, но у него не получалось.

– Что ты хочешь мне сказать, родной мой? Тебе что-то нужно? – она подняла его руку и прижала к своим губам.

Морщась от тянущей боли, Рэм отрицательно качнул головой, и Дина снова услышала:

– А-а-а...

– Звездочка? Да? – к ней внезапно пришла догадка. – Родной мой, ты называешь меня Звездочкой?

В знак согласия он прикрыл глаза, помолчал, набираясь новых сил.

– А-а... у-у... а-а... – он хотел и силился сказать ей еще что-то.

– Ты? Ты... любишь... меня?

– А-а... – выдав все, что желал, Рэм закрыл глаза, а по его небритой щеке катилась крупная слеза – он снова вернулся к Ней...

Судьба не захотела разлучать их. Она им дала еще один шанс.

Генерал Буров распорядился, и Ингу срочно откомандировали в тот госпиталь, куда отвезли пострадавшего во время подрыва автомобиля новоиспеченного прапорщика, Лесю Ищенко.

– Ты присмотри там за ней, – генерал доверительно задержал узкую женскую кисть в своей широкой ладони. – Как только врачи разрешат, перевезем ее к нам. – Езжай, с Богом...

Сдавший свою должность и рассчитавшийся со всеми, Ключников надоедливый репейником увязался за своей любовницей. Сама Цветкова особой радости не проявила, когда Кеша, прознав, что Инге дают авто до Краснодара, банным листом прицепился до нее. Пожав плечами, она разрешила прапору поднести вещи до «санитарки». Особо не возражала Инга, когда он бесцеремонно уселся рядом с нею на боковом сиденье.

Устроились они в гостинице КЭЧ, сняли двухместный номер. За все широким жестом рассчитывался Ключников.

– У меня в запасе три дня, – сообщил он Инге по дороге. – Гульнем, шалава, напоследок. А в Питер я махну на самолете. Раз и там...

Не успела горничная прикрыть за собой дверь, как парень тут же набросился на Ингу, принялся срывать с нее одежду, подталкивать ее к широкой кровати...

– Как с цепи один сорвался! – Цветкова досадливо рассматривала свое пришедшее в негодность нижнее белье. – Оно денег стоит...

– Купи себе новое! – Кеша самодовольно ухмыльнулся и кинул на стол пачку денег. – Одну тебя, как королеву...

В ресторане Ключников шикавал, заказывал еду и дорогие напитки, сорил деньгами налево и направо, что не осталось незамеченным.

– Все, я пошла, – Инга, отставив бокал с шампанским, поднялась. – Я в госпиталь. А ты смотри, мимо номера не промахнись...

Еще не затихли ее удаляющиеся к выходу шаги, как к их столику подрулила накрашенная девица в коротенькой кожаной юбчонке.

– Закурить не найдется?

– Падай, подруга, на стул! – Ключников повеселел.

Не прошло и получаса, как он успел напрочь позабыть о том, зачем и с кем он прибыл в город. Новая знакомая очаровала его своим милым южнорусским акцентом. Если поначалу он просто хотел поразвлечься и поболтать ни о чем с не первой свежести обладательницей крупных форм, то после нескольких рюмок водки с удивлением разглядел милые черты на ее широкоскулом лице, утяжеленном мощным подбородком.

– Я тебя люблю! – пьяно пробормотал он и пропустил момент, когда подружка ловко подсыпала ему в рюмку щепотку белого порошка.

В голове у прапора зашумело, перед глазами бурно заштормило.

– Тебе надо освежиться, – услышал он и послушно поднялся.

Поддерживаемый девицей, Кеша нетвердой походкой по синусоиде продефилировал к мужскому туалету. Заведя прапора в кабинку, милая чаровница обнажила пышную грудь, резко приблизилась, и Ключников плюхнулся на стульчак, поймал губами крупный сосок.

– Прелестно... – выдавил он из себя и через мгновение отключился.

Очнулся Кеша, когда его всколоченную голову засунули под кран с холодной водой, повозили пьяной мордой по керамической раковине.

– Эй, ты чего? – возмутился он, выпрямляясь.

– Мы закрываемся. Платите по счету...

Кивая головой, Кеша сунул пятерню в карман. Пусто. Моргнув, он полез рукой в другой карман. И там оказалось пусто. Ничего не понимая, прапор быстренько пробежался по всем сусекам. Пустота...

В госпитале Ингу знали. У них она проработала не меньше года. Ей легко пошли навстречу, выделили кресло-каталку для ее подопечной.

– Привет, приبلуда, – Инга присела возле раненой.

– Ты? – Леся удивленно моргнула. – Откуда?

Не отвечая на тривиальный вопрос, Цветкова выгрузила из пакета на стол фрукты и овощи. Открыла она минералку, налила в стаканчик.

– Пей, тебе повезло. Осколок попал в мякоть бедра. Через неделю, максимум две, как кузнечик, запрыгаешь...

Бодрый и оптимистичный тон Инги подействовал успокаивающе, и Леся, почувствовав себя лучше, вымученно улыбнулась.

– А что с Дьяченко? – спросила она.

– Ему повезло меньше, – Цветкова тяжело вздохнула. – Точнее, ему вовсе не повезло. Нет его больше. Сама понимаешь. Война...

С помощью санитаров Лесю осторожно усадили в коляску.

– Свежий воздух, – объявила Инга, – тебе пойдет на пользу...

Проезжая по коридору, Ищенко безразличным взглядом скользила по стенам, по лицам встречаемых людей, пациентов и медперсонала.

– Стой! Назад! – Леся, будто пытаясь затормозить каталку, с силой уцепилась в подлокотники. – Черт! Черт!

Если секунду назад она еще могла позволить себе подумать, что ей лишь показалось, что видение вызвано разгоряченным воображением, то теперь сомнений у нее не осталось. В палате для рядового состава лежал Панас. Как же Загоруйко, хотелось бы ей знать, попал в тот же самый госпиталь? Мистика. Или судьба. А может, само провидение.

– Знакомого встретила? – Инга пытливо прищурила левый глаз.

– Хуже...

Внутри у Леси боролись противоречивые чувства. Она боялась, что Панас может ее выдать. И ей хотелось нанести превентивный удар. С другой стороны, Леся понимала, что разоблачение Загоруйко может, да и не пройдет для нее бесследно и бумерангом ударит по ней самой.

– У меня проблема... – призналась Ищенко. – Понимаешь...

Обычно Инга не курила. Лишь изредка баловалась она в компании с друзьями, а тут потянулась за пачкой, вытянула сигарету, закурила.

– Ну, ты даешь, подруга! – протянула она, качнув головой.

То, что ей открылось, поначалу несколько шокировало ее, а потом жутко рассмешило. Ей показалась дикой сама комичность их ситуации.

– А Борис мне намекал, что ты заодно с боевиками...

По лицу Леси пробежала тень сильного испуга.

– Не бойся. Он уже никому не расскажет.

– А ты?

– А я? – Инга пожала плечиками. – Я еще не знаю...

И в самом деле Цветкова не знала, как ей поступить. Она никогда не причисляла себя к пионеркам. Чувство патриотизма ей не привилось. Когда раздавали понятия долга и ответственности, скорее всего, она в то самое время стояла в очереди за чем-то другим, более прагматичным.

– Вот Буров-то наш обрадуется, когда узнает... – представив себе потрясенное лицо генерала, Инга расхохоталась. – Втюрился и приказал принять на службу вражеского агента...

В отличие от Цветковой страдающей Лесе было вовсе не до шуток.

– Ты меня сдашь?

– Я? – Инга прищурилась. – Какой мне смысл тебя сдавать...

Насколько она понимала, ей следовало использовать ситуацию по самой полной программе. Много всего о себе возомнивший, Ключников считал, что она полная по жизни

дурочка. И тут братец Кеша ошибался, сильно ошибался. Ее мозги в нужный момент кое-что соображали.

– У меня есть деньги, много денег... – зашептала Ищенко.

Аккуратно затушив окурок носочком туфли, Инга вытянула вторую сигарету, чиркнула зажигалкой, прикурила, глубоко затянулась.

Густое облачко лениво поплыло к коротко остриженным кустикам, цепляясь за них, прячась за ними и растворяясь.

– «Бабки» – это хорошо. Плохо, когда их нет...

– Если ты мне pomoжешь, я отстегну тебе три «штуки». Баксами...

– Надо подумать...

Наблюдавшим за ними со стороны могло показаться, что две милые подружки непринужденно болтают о несущественных мелочах, чешут язычками, перебивают косточки всем своим знакомым без исключения.

Большие деньги за «просто так» никто обычно не платит. Чтобы их заполучить, Инге следовало хорошо постараться. Прожив определенное время вместе с полковником ФСБ, Инга многое почерпнула из немалого опыта Пестикова. Под хорошее настроение, за рюмочкой и закусочкой Борис частенько рассказывал ей много интересного и полезного...

Главный урок, который извлекла Инга, состоял в том, что только то хорошо, что идет на пользу самому себе. Основопологающий принцип британской империи: правильно исключительно лишь то, что не несет вреда Англии, а все остальное существует вне правовых рамок закона...

С точки зрения морали ничего худого в том, чтоб ликвидировать пособника боевиков, Цветкова и вовсе не видела. Поразмыслив, Инга пришла к обоюдно приемлемому выводу, что запросто посодействует Лесе в скорейшем устранении возникшей проблемы.

2

Прошло несколько дней, и Рэм с трудом, но начал говорить.

– Рэмка-Рэмка, родной ты мой, – припав к его груди, прошептала-простонала женщина, – ну, объясни мне, пожалуйста, как, как ты попал на Кавказ? Что тебя привело на войну? Ты, мой дорогой, потерял свое место в этом мире и решил, что это самое простое решение всех твоих проблем? Скажи, откуда у тебя взялось это желание, с чего началось?

– Ты, родная, хочешь знать, как я попал на войну? – муж горько усмехнулся и прикрыл глаза. – Как я попал сюда... Ты послушай...

Не раз и не два размышлял он над тем, откуда пошел разлад. В его понимании первые шаги к войне страна проделала не год и не два назад.

Как цепная реакция покатила-покатила волна, вскоре названная парадом суверенитетов. Ящик Пандоры 16 ноября 88-го года открыла Эстонская ССР. 18 апреля 89-го эстафету подхватила Литва. 24 же июня 90-го о своем суверенитете провозгласила РСФСР. Не желая оставаться в хвосте всех событий, 16 июля 90-го выступила Украина, на территории которой они в ту пору все вместе и счастливо жили-поживали.

По всей Украине гуляли сотни и тысячи листовок и воззваний. Подлые провокаторы, грамотно манипулируя цифрами, рьяно и истово доказывали непросвещенному в этом вопросе населению, что Украина является первым донором всего СССР, что вся Россия и все остальные республики живут исключительно за счет несчастной Малороссии.

В ход шли отдельные данные, выгодно отличающиеся от остальных цифр. На их основе всем красочно показывалось то, как хорошо зажил бы украинский народ, если бы он отделился от клятых москалей.

В наглядном списке фигурировали: зерно, подсолнечник, сахарная свекла, молочная продукция, уголь, металлургия...

Со столь ярким примером трудно было не согласиться. Но забывали указать, что все у них работает на дешевом газе, почти даром идущим не откуда-нибудь, а из России. Не объясняли люду, откуда качается нефть, широким потоком идущая на их нефтеперерабатывающие заводы.

Лукаво не говорили подстрекатели всему народу о том, что средний показатель на душу населения рассчитывался на всех жителей СССР, в составе которого имелись республики, зерна и вовсе не производящие.

Тишком помалкивали вражины про то, что Россия-то сама по себе обеспечивает себя полностью или почти всем. И вообще не упоминали о том, сколько всего она отдает другим, взамен себе самой почти ничего не оставляя, обрекая на полуголодное существование целые регионы Поволжья и Урала. Москва и Ленинград – это еще не вся Россия...

Аки рыжие тараканы, изо всех щелей на белый свет поползли ярые националисты. Простому народу открыто и целенаправленно дурили голову. В национальные герои выдвигались одиозные Симон Петлюра и Степан Бандера, воины дивизии СС «Галичина».

Здравый мир дружно осуждал фашизм и нацизм, а этих недобитков призывали уравнивать в правах с участниками и ветеранами войны.

И кое-кто из новой волны политиков, ярых националистов, щедро спонсируемых и направляемых Западом, явно останавливаться на том не собирался. Лжеученые рьяно принялись начисто переписывать историю, очерняя прошлое, гулко вбивая клин между двумя братскими народами, русскими и украинцами. Замаячил призрак гетмана Ивана Мазепы...

Подошел август 90-го, на весь мир оглушительно грянуло непонятое многими событие, названное Путчем. Классики революционной борьбы издавна поясняли, что путч – это неудачно закончившаяся революция. В свою очередь, революция – это путч, доведенный

до своего логического завершения – завоевания верховной власти в стране. Вот и вся разница, как сказали бы в Одессе, в городе на берегу Черного моря...

Кучка авантюристов, имевшая в своих руках все рычаги управления государством, позорно не сумела довести начатое дело до логического конца. Что помешало им? Может, они, стоящие у руля власти, оказались на деле никчемными руководителями? Или имел место просто-напросто самый настоящий фарс, масштабно организованный ими с молчаливого согласия самого Горбачева, если и не с его прямой подачи?

Возможно, события элементарно вышли из-под контроля. Бывает...

Морально разложенная и деморализованная армия не дернулась в защиту разваливающегося и агонизирующего строя. Устала она от всего.

Преданная в Тбилиси и в Риге, с треском выгнанная из Европы и брошенная на произвол судьбы, армия не нашла в себе сил поддержать и встать на защиту того, кто на протяжении последних семи лет всячески оскорблял ее и жестоко унижал. Возмездие свершилось...

Тайком от всех в Беловежскую пушу слетелись стервятники, и они начали раздирать еще живую добычу, выхватывать себе самые лакомые и жирные кусочки. А тот, кто все это затеял, готов был отдать соседям едва ли не все из своих законных территорий, лишь бы те поддержали его и помогли ему свалить первого и, как потом окажется, последнего Президента СССР. И Горбачев трусливо отступил, подписал заявление о своем уходе. И о нем тут же, в этом же зале, все стыдливо забыли...

И впоследствии помнить о нем и привечать Михаила Сергеевича будут лишь те, кто в свое время присудил ему Нобелевскую премию мира, данную Генсеку за успешный развал собственными руками СССР – американцы и англичане...

Назойливая муха жужжала в углу, мешала Дине сосредоточиться на своих мыслях. Она стояла у окна, смотрела на дворик, где из санитарной машины разгружали раненых.

– Все везут и везут, – прошептала женщина.

– Не смотри, – глухо обронил Рэм. – Ты не в кино пришла...

В дверь тихонечко постучали, и створка неслышно приоткрылась. В палату вошла новенькая медсестра. Раньше Рэм ее не видел.

– Я у вас временно, – девушка улыбнулась. – Зина заболела. Меня просили ее подменить. Меня зовут Инга...

Посмотрев на часы, Дина заторопилась:

– Прошу меня извинить, я оставляю вас. Я пойду на почту, домой по междугородке дочке позвоню. Настенька ждет моего звонка...

Привычными движениями Инга вставила иглу в венозный катетер, подсоединила шприц, ввела препарат прямо в кровоток без повторного прокалывания вены. Пациент практически ничего не почувствовал.

– Вот и все, – девушка приятно улыбнулась. – Ничего страшного...

Внутривенный катетер для того-то и изобрели, чтобы постоянно не протыкать стенку вены. Ибо та от частого прокалывания деформируется и воспаляется. На ее поверхности образуются тромбы. Опасная штука...

Подобный тромб образовался у раненого, лежавшего в палате для рядового состава. Сестрички, видать, не доглядели. Сосуд закупорился, что привело к печальным последствиям. Летальный исход...

А еще накануне ничто не предвещало беды. Врач осмотрел Панаса и ободряюще кивнул:

– Ну-с, молодой человек, вы у нас пошли на поправку...

Во внутренностях еще побаливало, но Загоруйко постарался широко улыбнуться и заискивающе попросил:

– Может, позволите режим чуток ослабить?

– Если только капельку...

Разрешительный кивок лечащего врача Панас воспринял, как сигнал к немедленному действию.

– Слетай, браток, – сразу же после обхода он зашептался с рядовым Юрченко, ходячим больным, а потому часто бегаящим на посылах у всех лежащих и не ходячих, – горло треба промочить, кишки согреть...

Личный состав палаты едва дождался отбоя. Боец Юрченко стоял на розливе и на разносе тары. Через час все дружно храпели.

Ночная медсестра вошла в палату. Поморщилась она, зажала носик. В палате застыл густой запах дешевого пойла. Местные сестрички к тому привыкли. Идущие на поправку пациенты частенько нарушали у них режим, а начальство обычно смотрело на то сквозь пальцы.

– Спи, дорогой товарищ, – одними губами прошептала Инга, вводя в физраствор сильнодействующий препарат на основе атропина.

Как глазные капли это лекарство применялось широко. Достать его трудности не представляло. Отравление же им приводило к нарушению зрения, галлюцинациям, бреду, эпилептиформным судорогам...

В тяжелых случаях наступала кома, возникала опасность паралича. В малых дозах атропин служил лекарством. В больших дозах на фоне употребления алкоголя он мог привести к остановке сердца.

Через капельницу жидкость прямо попадала в кровеносную систему спящего богатырским сном Панаса. Но он ничего не чувствовал...

Утром все забегали, но спасти Загоруйко не удалось.

Услышав про печальную новость, Леся расцвела. Как ей думалось, ничто более не угрожало ее спокойствию...

Новенькая сестричка вышла, неслышно притворив за собой дверь. В палату вернулась тишина. А вместе с нею все пространство заполнили воспоминания, возвращавшие Рэма в недалекое прошлое...

Вокруг все рушилось, ломалось. В безжалостные жернова перемен угодила и их, казалось бы, устоявшаяся семейная жизнь. Дину перевели в Киев. Она уехала, забрала с собой их Лягушонка, маленькую Настю. И Рэм остался один в опустевшей трехкомнатной квартире.

Армии, в которой он служил, по сути, не существовало. И к развалу ее вел, как ни странно оно все звучало, новый министр обороны СССР.

Евгения Ивановича Шапошникова Рэм знал лично. Познакомились они совершенно случайно. Старший лейтенант Валишев нес службу в гарнизонном патруле. В зону его ответственности подпадали Штабной переулок, окружной госпиталь, музей Одесского военного округа.

– Товарищ старший лейтенант, – инструктировали его на разводе патрулей, – у вас самый ответственный участок. Сами понимаете, штаб округа, командующий, ЧВС – Член Военного Совета...

Барражируя по Пироговской улице, Рэм, изнывая от жары в кителе, перепоясанном портупеей, бездумно оглядывал окрестности, плавающие в лениво покачивающемся знойном мареве.

– Снова ты! – раздался за плечом веселый девичий голосок. – И...

Не оборачиваясь, он расшифровал особу, которой мог принадлежать этот неповторимый с оттенками доброжелательности и язвительности, с четко поставленной и правильной русско-разговорной речью голосок.

– Мир тесен, Мирослава! – мягко поприветствовал Рэм.

Славку он знал несколько лет. С ее мужем, Баталовым, Рэм вместе обучался в военном училище. Несколько раз они встречались, когда он служил в Германии. Их части находились поблизости.

– Я тебя арестовываю! – со смешком выпалила Павлова. – Садись с бойцами в машину. Едем на Школьный аэродром...

На долю секунды Рэм призадумался. Он, конечно же, прекрасно знал, что Славка приходилась ЧВС приемной дочерью. Точнее, она была его внебрачным ребенком. Павлова могла позволить себе многое, если и не больше того. И все же... порядок, он и в Африке тоже порядок...

– Расслабься, старшой. Я своих под монастырь не подвожу. Вопрос о тебе с комендантом решен. Едем встречать Шапошникова...

Включив бортовой компьютер, Рэм стремительно прокачивал все, что у него имелось на Шапошникова. До 87-го года Евгений Иванович занимал должность командующего ВВС Одесского военного округа.

Жил Шапошников в том же доме, что и Славка. Получил он хату в той самой «Голубой мечте», в которой обитали многие военные шишки.

– Он пока у нас, – пояснила Павлова, – командующий ВВС Группы советских войск в Германии. Я в эти дни отвечаю за его безопасность. Его выдвигают на первого заместителя главнокома ВВС...

Военный Ту-104 сел на полосу с опозданием на целых два часа. За это время Рэм и Славка успели переговорить о многом. Вспомнили они про то, как вместе служили в Германии. Офицеры старательно избегали говорить о Баталове, муже Павловой. На то было много причин.

– Рада была с тобой повидаться, Рэм, – произнесла, прощаясь с ним, Славка. – Мало, увы, есть на свете стоящих друзей...

Не думал Рэм, что Шапошников запомнит его скромную персону, но тут он ошибся. В 89-м, незадолго до падения Берлинской стены, на офицера ГРУ Павлову совершили покушение, устроили автокатастрофу.

Похоронили Славку в Одессе, на 2-м кладбище, в двух шагах от церкви, хоть и не верила она в Бога. Поставили у изголовья мраморную плиту. С постамента смотрела на мир улыбающаяся молодая женщина в парадном майорском кителе с двумя орденами Красной Звезды на груди. Баталов, муж Славки, на траурное мероприятие не приехал...

На похороны прилетел Шапошников. Он приказал разыскать Рэма и пригласил его на поминки. Сидели они за одним столиком...

– Мирослава говорила о тебе много хорошего, старший лейтенант, – Евгений Иванович грустно улыбнулся. – Выпьем за упокой ее души. Таких, как она, в мире раз-два и обчелся... Куда наш мир катится...

Квартиру в «Голубой мечте» будущий маршал оставил за собой. И раз в год, приезжая в Одессу, приглашал Рэма выпить за Славку.

В июле 90-го Шапошникова назначили главнокомандующим ВВС – заместителем министра обороны СССР.

Промозглой осенью следующего года маршал авиации, задумчиво глядя на сидящего перед ним капитана, неожиданно поведал о том, что от остальных скрывалось за семью печатями:

– В свое время я поставил на Ельцина. Как видишь, не прогадал...

Рэму стало известно, как Ельцин и его «демократическая команда» усиленно обрабатывали чинов из высшего армейского руководства, тех, кого считали наиболее подходящими для того кандидатурами.

– Переманить их, – ставил задачу Борис Николаевич, – посулами и должностями. Чтоб, случись что, они не дернулись в защиту Мишки...

Один из отобранных претендентов, Павел Грачев, входил в особую группу по подготовке введения чрезвычайного положения, что работала при КГБ с 7-го августа 1991 года.

– Пора им определиться, за кого они... – пробасил Ельцин.

Именно усиленным прессингом со стороны ельцинской команды объяснялась некая двойственность поведения ряда военных на первом этапе «путча», в частности того же самого Грачева...

В комнате резко потемнело, на небе появились первые звездочки. Хозяин квартиры включать свет не стал. Зажег он свечку на канделябре. Желтое подрагивающее пламя заискрилось на хрустальных рюмках.

– Понимаешь, капитан, поначалу Янаев и сотоварищи полагали, что введение режима ЧП поддержит сам Президент...

Высокопоставленными заговорщиками подразумевалось, что при полной поддержке Горбачевым введение режима выглядело бы вполне легитимным. И события пошли бы совершенно по иному сценарию...

Подперев скулу, капитан слушал и одновременно размышлял над тем, куда бы могла пойти их страна, если бы путчисты одержали верх. Наверное, ни к чему хорошему кучка дилетантов привести их страну не смогла бы. Все их начинания изначально были обречены на неуспех...

Со стороны парка Шевченко возвращался один из последних на тот поздний вечер трамваев. Дождь разогнал празднующую толпу. На улицах было непривычно тихо. А потому казалось, что вагоны катились под самыми их окнами, будто рельсы перебежали, чтоб подслушать их.

Выпив глоток коньяка, выдержав недолгую паузу, маршал хитро прищурился и усмехнулся:

– Мы должны были определиться, с кем мы и за кого...

Евгений Иванович негромким голосом рассказывал, а в душе Рэма крепко ощущение, что он сам становился очевидцем, соучастником всех тех событий, словно капитан крутился в их самой гуще...

19 августа в шесть утра по телевидению всем объявили о введении чрезвычайного положения и формировании ГКЧП. Для всей страны это известие грянуло как гром с ясного неба.

К тому времени и Грачев, и Шапошников уже знали, что Горбачев не поддержал введение режима ЧП и откестился от путчистов.

Об этом стало известно, когда переговорщики вернулись из Фороса, где президент проводил свой отпуск. Возвратились они ни с чем.

Вареников, Болдин, как ни старались, не смогли убедить Горбачева. Михаил Сергеевич предпочел занять выжидательную позицию.

Утром 19 августа министр обороны СССР Язов приказал Грачеву перебросить два полка Болградской воздушно-десантной дивизии из места постоянной дислокации в Москву. Грачев колебался. И тут звонок.

– Как настроение? – раздался в трубке голос Шапошникова.

Решившись, Грачев бодро ответил:

– Мы, ВДВ, никуда ввязываться не будем...

– Язов не поймет...

– Мы все запутаем. Посадим полки на два аэродрома, Чкаловский и Кубинку. Смешаем батальоны из разных полков, кинем их вперемешку, чтоб потом их всех вместе сразу не собрать...

217 и 299 воздушно-десантные полки из 98-й гвардейской Свирской воздушно-десантной краснознаменной ордена Кутузова II-ой степени дивизии подняли по тревоге. Военные городки загудели...

В автопарках готовили технику. Чумазные водители проверяли масло и смотрели на щупы, протирали их тряпочками и снова тыкали ими.

Зампотех батальона с 217-го полка на повышенных тонах ругался с начальником службы ГСМ, старшим лейтенантом, сидевшим на пункте заправки и отмечавшим в путевых листах количество отпущенного им топлива на каждую боевую единицу.

– Ты что, крыса-то тыловая, творишь, а? – майор совал заправщику путевку под нос, показывал на коряво нацарапанные циферки.

– А что? – старший лейтенант сотворил непонимающее лицо.

– Ты залил в бак десять литров, а вписал все сто сорок!

– И что? Зам по тылу приказал. Война все спишет...

Поняв, что правды ему не добиться, майор сплюнул и развернулся, потопал к боксам с техникой. Они воюют, жизнями рискуют, а тыловики на всем руки греют. Интересное получается у них кино...

Возле продовольственных складов стояли машины. На них грузили мешки с крупами, ящики с сухими пайками, консервами.

Пузатенький капитан с быстро бегающими маленькими глазками – начальник продовольственной службы лично руководил сим процессом, дабы ни одна живая душа, кроме него самого, ничего не уперла. Дело такое – не усмотрит он, без него тороватые прапора все растащат...

В старинном здании, где располагалось управление дивизии, по всем этажам, коридорам сновали озабоченные майоры и подполковники. Они носили бумажки из одного кабинета в другой, согласовывали, снова торопились внести правки и отдать все на печать. Машинистки стучали, строчили пулеметами и все равно ничего не успевали...

– Валерий Александрович! – в кабинет командира стремительно вошел начальник штаба дивизии. – Я ничего не могу понять! Директива, та, что пришла, где два полка перебросить под Москву...

Герой Советского Союза полковник Востротин указал своему заму на стул подле себя, достал из-под стола два стакана.

– Выполняй указание! – разливая коньяк, усмехнулся комдив.

Начштаба моргнул, покачал в жилистой руке граненый стаканчик.

– Если точно следовать тому, что нам предписано, мы неделю будем разгребать то, что неминуемо случится во время разгрузки...

– Ты не думай, а выполняй... Им в Москве виднее, что делать...

Глядя в окно, полковник размышлял над тем, что ему намного легче было, когда он командовал ротой при захвате резиденции президента Демократической Республики Афганистан Хафизуллы Амина – дворца «Тадж-Бек» в городе Кабул. Тогда все было намного проще. А тут... как бы не попасть впросак. Проявит он инициативу и выполнит все в срок, войдет в город, а потом окажется, что поспешил и людей насмешил. А не перекинет дивизию, затянет с переброской – путчисты смешают его с грязью, и конец карьере. Все коту под хвост: тяжелые ранения и четыре звания, что были получены досрочно: «старший лейтенант», «капитан», «майор», «полковник». И не видать ему Военной академии Генштаба.

– Ты делай все, как нам предписано, – повелел Востротин, зажевав лимончиком. – Эту бумагу, думается мне, составил тот, кто сам не хочет, чтоб наша дивизия скоро попала в Москву...

– За успех нашего безнадёжного дела! – начштаба шумно выдохнул.

Подполковник спал и видел, как сядет он в кресло комдива.

По 1-му и по 2-му городку бегали взмыленные посыльные, искали своих офицеров и прапоров, проживающих в панельных пятиэтажках.

Невзирая на объявленную в связи с созданием ГКЧП повышенную боевую готовность, многих командиров на своих местах не досчитались.

– Не пущу! – из открытого окна на втором этаже доносился голос визгливо причитающей женщины лет тридцати в застиранном халатике на голое тело. – Не пущу! Убьют тебя!

– Не каркай, дура! – незлобиво отмахивался от цепляющейся за него жены худющий и долговязый капитан. – Ни с кем покамест не воюем...

Стягивая с себя легкую одежду, Варвара оголяла разрыхлившиеся после вторых родов тяжелые титки, напирала ими на мужа:

– Петр! Я все знаю! Снова вас в пекло! Уймись! У тебя контузия. Тебя в 87-м ранило в Афгане. Тебе вырезали все внутренности. В 89-м в Сумгаите тебе прострелили грудь. Я так больше не могу!

Уложив РД – рюкзак десантника, капитан выпрямился, обхватил обеими руками расплывшееся вширь женское тело, попытался урезонить свою не на шутку разошедшуюся супругу:

– Тише ты, Варя! Уймись. Перед соседями стыдоба...

– Плевать! Они, что ли, Вовку и Кольку вырастят, если что с тобой нехристи всякие сотворят? Мне муж нужен! Живой! Чтоб я бабой себя могла завсегда почувствовать!

Глянув на часы, Веретенников подтолкнул верещащую бабенку к раскладному диванчику. Супруга, смекнув, сама охотно опрокинулась на спину, потянула мужа на себя. Капитан жаркодохнул:

– Давай, по-быстрому. Помоги мне...

Раскинув в стороны свои жирные ляжки, Варвара тяжело задышала, потянулась ладошками, настраивая семейную скрипку любви...

По-быстрому у них выходило крайне редко, чаще оно затягивалось. Женщина разохотилась и не отпускала мужика от себя, пока по всему ее крупному телу не разлилась удовлетворенная утомленность...

– Я пошел, – капитан потуже затянул ремень от портупей.

– Веретенников! – не поднимаясь с дивана, выкрикнула Варька.

– Чего тебе?

– Не будь ты дураком! В пекло не лезь, а начальству больше глаза мусоль, показывай перед ним свое рвение и усердие. Лови момент...

Потерев скулу, Петр повернулся к жене, окинул ее взглядом:

– Ты еще будешь меня учить!

– И буду! – женский голос взвился. – Ты с Востротиным в один год училище окончил. Он в полковниках ходит, а ты на своей роте восьмой годок сидишь. Карьерист хренов... Нашла одна, за кого пойти...

– Заткнись, дура! – капитан заиграл желваками.

Не снимая сапог, мужик прошел на кухню, достал бутылку, плеснул в граненый стаканчик, выпил, поморщился. Карьера у него не пошла, не попал он, как у них говорят, в струю, не пофартило ему. Это факт...

На общее построение капитан опоздал. На плацу разорялся, рвал глотку комбат. Шпынял майор ротных налево и направо.

– Веретенников, твою же по куполу мать! Где ты шлялся? Я твоих бойцов строить должен? На кой хрен ты мне сдался?

– Его баба на войну не пускает! – ехидно хихикнули слева.

– Бойтся, что он домой не вернется, – съязвили справа.

Стоя в строю, бойцы оживленно обсуждали маршрут и конечный пункт назначения. Одно было ясно – им предстояла дальняя прогулка за казенный счет. Куда и зачем – дело уже второе...

– Командиры рот, доложить о готовности к маршу...
Десантные подразделения выдвигались на взлетную полосу...

Евгений Иванович отказался выполнить приказ путчистов поднять в воздух авиацию. Его поведение повлияло на принятие решения другими высшими военными чинами. Лидеры «путчистов» особой волей к победе не блистали, с первого часа перепугавшись собственного же поступка. И когда они узрели пассивность военных, слышали от них «невозможно» и «не получится», их полностью деморализовало...

В Москву вернулся Горбачев, потускневший, потерявший всю свою уверенность. Президент провел новые назначения силовиков союзного уровня, чем вызвал крайнее неудовольствие Ельцина, потребовавшего согласовывать с ним все кандидатуры. И Горбачев пошел на попятную.

Ранее их президент по телефону И.О. министра обороны поспешно назначил Моисеева, нынешнего начальника Генштаба.

Неожиданно для многих совсем иную фигуру предложил Бурбулис. Он написал записку Коржакову: «Есть... очень удачная кандидатура...». Коржаков отдал записку Ельцину, и тот, прочитав ее, приказал вызвать Шапошникова в Кремль. А первым туда прибыл Моисеев. Его накануне успел пригласить к себе Горбачев.

– Скажите ему, что он больше не министр! – в своей обычно грубой форме напористо рубанул Ельцин.

– Мы приняли решение... – промямлил Горбачев.

Моисеев с достоинством выслушал и вышел.

– Вы, наверное, – прибывшего Шапошникова встретил Коржаков, – немного удивлены приглашением в Кремль, но скоро поймете, для чего вас столь срочно вызвали...

В приемной Шапошников увидел Моисеева и все понял. В судьбе его неожиданно-негаданно случился крутой поворот.

Ельцин оказался, против обыкновения, краток, и спустя несколько минут указ о назначении Шапошникова был подписан.

Стоявший в сторонке Коржаков совершенно справедливо подметил:

– Элементарное двоевластие: на одну армию приходится теперь два законно утвержденных министра обороны: российский и союзный...

А Евгений Иванович в ответ только улыбнулся. Он должен был тут же потребовать ликвидации военного ведомства России или сам подать в отставку. Шапошников промолчал. Развал Вооруженных Сил СССР был утвержден двумя президентами и министром обороны СССР.

Распад СССР неизбежно означал и распад его армии. Осенью 91-го года позиция Ельцина обеспечивала ему преданность министра обороны СССР, а это являлось крайне важно в условиях конфликта с Горбачевым. Верх в борьбе за верховную власть одерживает тот, за кем стоит армия.

В Вооруженных Силах развернулась чистка. Министр издал приказ №425 о создании полномочной комиссии. На нее возложили задачу проверки действий руководства ВС на период 19—21 августа.

Посыпались клеветнические доносы. Началось подлое сведение личных счетов. Новая власть задалась целью унижить военное руководство.

И в то же самое время Шапошников старался быть демократичным, для всех подчиненных доступным министром. Он со всеми здоровался за руку, широко улыбался, пряча от всех свои мысли...

Между тем Вооруженные Силы быстро деградировали. Проявляя особую прыть в военной политике, Ельцин 28 октября 91-го объявил об установлении моратория на ядерные испы-

тания в пределах РСФСР в течение года. Это означало, что РСФСР выходит из-под юрисдикции президента СССР! И что же Горбачев с Шапошниковым? По сути дела – ничего. Это означало приближение к концу семимильными шагами...

А маршал ясно давал себе отчет в том, что творится в Советском Союзе. На заседании Госсовета 4 ноября он охарактеризовал ситуацию в Вооруженных Силах как грозившую перепасти в острый внутренний кризис с непредсказуемыми международными последствиями.

– Нам при всем уважении к намерениям суверенных республик иметь в перспективе свои национальные вооруженные формирования, – заявил Шапошников, – следует найти цивилизованные, рациональные пути решения всех вопросов и, главное, избежать того, чтобы мощный современный военный потенциал второй сверхдержавы превратился в объект дележа, беспорядочной национализации и приватизации...

Иначе же, по мнению министра, СССР превратится в «конгломерат противоборствующих княжеств», в результате гигантские Вооруженные Силы будут неизбежно втянуты в политическое противоборство.

– Поскольку мы все пытаемся, – Ельцин поддержал Шапошникова, – несмотря на трудности, создать новое государство – Союз Суверенных Государств, оно, безусловно, должно иметь и единую армию – единые Вооруженные Силы...

Даже республикам, отделившимся от Союза, как считал Ельцин, не стоило позволять «резать по живому» целостный, воедино связанный организм, его стратегические силы – ракеты, авиацию, морской флот...

– Это же самоубийство будет. Мы не можем этого разрешить...

И Шапошников, и Ельцин пытались сохранить армию в нынешнем ее виде. Министр пытался уберечь Вооруженные Силы СССР от развала. Президент РСФСР надеялся, что такая армия нового союза государств обеспечивала бы Москве полное доминирование. Президенты союзных государств оказались бы послушными марионетками в его руках...

Неужто, горько думалось Рэму, глядя на маршала, ни Ельцин, ни сам Шапошников не понимают одной простой истины? Вот, к примеру, Кравчук, Шушкевич, Назарбаев и прочие – они вовсе не простачки...

Все руководители союзных республик прекрасно разумели, что без своих национальных вооруженных сил никакая независимость просто невозможна. Распад СССР неизменно означал и распад его армии...

И полная иллюзорность планов Ельцина и Шапошникова начала проявляться довольно скоро. Уже 11 ноября 91-го года Гамсахурдия объявил о национализации имущества Вооруженных Сил СССР на всей территории республики. Его примеру 13 ноября последовал президент Молдавии Мирча Снегур. Далее пошло и того веселее. 26 ноября первый чеченский президент Джохар Дудаев ввел запрет на вывод боевой техники, находящейся в Чечне, за пределы республики. И сразу начался постепенно усиливающийся ее захват «мирными гражданами»...

Положение войск в союзных республиках стало исключительно тяжелым. Множились нападения на военных, членов их семей. Кругом расхищались оружие и военное имущество... Полнейший бедлам...

Выполнив всю возложенную на нее часть обязанностей, Цветкова заглянула в палату к Лесе.

– Прогуляться не желаете? – Инга подкатила коляску.

По дороге она, пристально наблюдая за реакцией Ищенко, поведала о том, что майор, получивший ранение в Ущелье Шайтана, пошел на поправку. До чего же охочим до жизни и живучим оказался мужичек.

– Майор? – Леся от неожиданного известия вздрогнула.

По ее разумению, в колонне из старших офицеров находилось всего два человека: подполковник и майор. Ошибки тут быть не могло. Она все поле боя не раз, не два прошупала через перекрестие своей винтовки.

– Майор... Что, и его следует убрать? – Инга прищурила глазок.

Не расслышав в голосе Цветковой насмешки, Леся серьезно кивнула головой и голосом подтвердила свою решимость:

– Если он тот самый.

И тут Инга саркастически поддела разгоряченную пациентку:

– Ага. Поставим на поток. Ты будешь меня дергать за веревочки, а я, как безмозглая кукла, послушно в такт дергаться...

– Ну, Инга!

Пряча улыбку, Цветкова покачала головой:

– Не выйдет. Это тебе не местный житель, за телом которого до сей поры никто не появился. Списали его, и нет человека...

Решившись идти ва-банк, Леся скинула последний козырь:

– И этого спишут. Мало ли майоров на свете...

– Нет, милая. Этот майор не прост. У моего Пестикова целое досье на него имелось. Его дважды представляли к ордену. Да у него жена, как я узнала, полковник милиции. Правда, тетка с Украины... Так все та же милиция. Вцепится баба мертвой хваткой, не вырвешься...

Жалостливым голоском Ищенко протянула:

– Мне хотя бы на него посмотреть. Одним глазком.

– Посмотреть можно. Могу до него тебя с ветерком прокатить. Если он узнает тебя, все – амба тебе, сливай воду в сортире. Житие в аду покажется тебе намного легче и слаще, чем твоя никчемная жизнь...

Крестника Леся сразу узнала по его насмешливой улыбке. Точно так спокоен он был и на поле боя. И майор сразу признал ее, качнул головой и приставил палец к своим потрескавшимся и бледным губам.

– Катись ко мне, – едва слышно прошептал майор.

От страха Леся резво крутанула колеса, попятилась назад.

– Не бойся меня... – больше догадалась, чем услышала она.

Движимая неосознанным чувством, Ищенко вкатилась в палату. Как только она приблизилась, офицер тихо заговорил:

– У тебя такие красивые, как у Врубеля на картинах, распахнутые глаза. У меня была женщина с такими же глазами. Ты живи. Я ничего и никому не скажу. Но ты беги из госпиталя. Возвращайся к себе домой. Нарожай детей, забудь об этой войне. Война не для вас, не для женщин. Ваше предназначение в ином. Вы созданы для продолжения рода, а не для убийства себе подобных существ...

Леся раскатилась по коридору. По щекам ее потекли слезинки. Ей навстречу шла красавица-блондинка, миниатюрная, с тонкой талией. И лишь годы и переживания слегка оставили свой отпечаток на ее лице.

– Кто это был у тебя? – закрыв дверь, Дина приотворила окно.

– Одна знакомая, – Рэм широко улыбнулся. – Встречались мы как-то на стрельбище. Пришла она проведать меня, спросить за жизнь...

Чуть прищулив левый глазок, женщина пристально посмотрела на мужа. Не понравился ей голос Рэма. Так, видать, и не научился муженек ее врать, когда дело касалось непростых жизненных вопросов.

Вошедшая в палату, Инга застала Ищенко в состоянии панического замешательства. Побледневшее лицо Леси, мелко подрагивающие губки с головой выдавали ее состояние, вышедшее из положения равновесия.

– Он, представляешь, меня узнал!!!

– И какого, прости меня, черта ты к нему полезла?

Оглянувшись, Цветкова плотно прикрыла дверь. Ситуация вышла из-под контроля. Вечер, как говорится, перестал быть томным. Впрочем, лично ей пока ничто не грозило. Не в интересах Ищенко было вешать на себя дело Панаса. И все же, подстраховаться ей не помешало бы.

– Вот дура я, – накинув на себя сокрушающуюся маску, надрывно проговорила Инга, – что связалась с тобой! Попала в засаду!

Бессмысленно глядя в дальний угол, Леся глухо пробормотала:

– Бежать мне надо, бежать...

На губах у медсестры заиграла ироничная улыбка. Хорошая мысль. И главное, что поступила она на всеобщее рассмотрение крайне вовремя.

– Помоги мне бежать. Я в долгу не останусь!

Не отвечая, Инга прошла к окну. Мучительная пауза затягивалась.

– Инга, не молчи!

– И твои предложения? – Цветкова повернулась лицом к Лесе. – На костылях попрыгаешь? Куда ты попрешь без документов?..

В ответ Ищенко, морщась от боли, встала на ноги, шагнула разок.

– Я уже пробовала. Мне бы палочку яку... И паспорт...

С документами проблем не вышло. Их удалось забрать тихо и без шума. Как раз проходила выписка выздоровевших бойцов. Оформляли на них соответствующие бумаги. Перекинувшись с подругой ничего не значащими словечками, Инга ловко извлекла из общей кучи документы на Ищенко, опустила себе в карман. Выходя, она весело пошутила:

– Смотри, Матрена, не ошибись. Запишешь еще вместо руки ногу...

– И тебе, Инга, не хворать... – Мотя тут же про нее позабыла.

Доставку Леси к государственной границе с Украиной возложили на Ключникова. После страшнейшего конфуза, приключившегося с ним в ресторане, Кеша оказался на мели, просрочил вылет в Питер. Он про все свои злключения подруге не говорил. Хорохорился, отбrehивался, что не едет он исключительного из-за того, что не может оставить Цветкову одну без присмотра в рассаднике ловеласов и законченных бабников.

В момент исчезновения Ищенко из палаты Инга присутствовала на операции, помогала анестезиологу. Ключников повез Лесю на такси.

Путь покорооче лежал через Крымск, Тамань и дальше на Керчь. Но они двинулись в сторону Ростова-на-Дону. Там Кеша посадил девушку на автобус до Мариуполя, что находился на территории Украины.

Получив приличную сумму в конвертируемой валюте, Ключников подсуетился, приобрел билет на самолет, часа через три вылетел.

Ищи-свищи теперь ветра в поле. Пропал человек, исчез бесследно, растворился на отныне независимых окраинах распавшегося СССР...

3

Пропажу не ходячей пациентки обнаружили перед самым ужином, но особого значения не придали. Тревогу забила медсестра, дежурившая ночью. Девушка пришла делать укол. Не обнаружив Ищенко на месте, она заволновалась, подняла всех на ноги. Вызвали Цветкову.

– Как нету ее? – Инга хлопнула ресничками и застыла с широко раскрытыми глазками. – Может, в парке она сидит, вздыхает на луну...

Обыскали всю прилегающую территорию. Коляску Ищенко нашли возле тыльных ворот. Пациентка так и не объявилась...

Лишь вдогонку за чрезвычайным происшествием по распоряжению начальника госпиталя усилили пропускной режим. Возле КПП торчал гарнизонный патруль. У всех без исключения проверяли документы.

– Рэм, пропала твоя знакомая по стрельбищу, – Дина с ироничной улыбкой воззрилась на отстраненно смотревшего перед собой мужа. – У тебя имеется, что беспристрастно и откровенно сказать суду...

– Нет, – Рэм прикрыл глаза, в который раз возвращаясь в прошлое.

23 февраля 92-го года на плацу училища вручали награды. В обед в узком кругу они собрались у Ветровых. Когда Рэм учился, Юрок служил командиром взвода в их батарее. Племянник Ветрова, Сашка Григорьев, обучался в соседнем подразделении. С Александром Рэм подружился. Они вместе служили в одном полку в Германии.

За столом было непривычно тихо. Веселье никак не клеилось.

– Чего вы набычились, – едко съязвил Димка Хлебников, командир взвода в 12-й роте, – будто зубы в Беловежской Пуще...

– Я бы их всех за ноги повесил, – хмуро произнес Валера Пожарчук, бывший командир 12-й батареи, передавший свою должность Ветрову.

Без излишнего уточнения присутствующие за столом вмиг поняли, о чем пошла-покатилась речь. Свежи предания...

8 декабря 91-го года в Беловежской пуще три коммунистических начальничка совершили антигосударственный акт. Ельцин, Кравчук и Шушкевич (при самом активном участии Бурбулиса, Гайдара, Шахрая, Козырева, Илюшина), не имея на то никаких законных полномочий и в нарушение всех итогов мартовского референдума, втихаря подписали соглашение о том, что «Союз ССР как субъект международного права и как геополитическая реальность прекращает свое существование».

Путчисты провозгласили «Содружество Независимых Государств» с признанием государственными границами искусственные большевистские границы между ними. Госсекретарь РСФСР Бурбулис о настоящей цели Беловежского путча сказал: «Да неужели Вы не понимаете, что теперь над нами уже никого нет!». Власть Горбачева кончилась...

Взмахом руки Пожарчук словно пригвоздил их к позорному столбу:

– Сами трусились, как шакалы, боялись, что всех загребут, и в то же время по живому раздирали страну на части... Это же насколько надо быть охотчими до не ограниченной никем власти, чтоб так рисковать...

А Димка Хлебников в ответ не без основания предположил:

– За Ельциным стояли американцы, они поддерживали его...

Собравшиеся офицеры доподлинно не ведали, но догадывались, что, не ощущая за собой мощи заокеанских покровителей, скорее, сам Борис Николаевич вряд ли решился бы на столь безрассудный шаг. Не знали они, что из охотничьего домика Ельцин позвонил президенту Бушу:

– Горбачев еще не знает этих результатов... Уважаемый Джордж... это чрезвычайно важно! Учитывая сложившуюся между нами традицию, я не мог подождать даже десяти минут, чтобы не позвонить Вам...

После звонка заокеанскому хозяину к Ельцину пришло ощущение свободы и легкости. В эти мгновения он почувствовал сердцем: большие решения надо принимать легко и не оглядываться назад и по сторонам...

Большое и легкое решение они отпраздновали шумным застольем. А затем наступило похмелье. По приезду в Москву Ельцин долго ждал момента, когда придут, арестуют его по обвинению в измене Родине.

– Натворили мы дел! – тяжело вздыхал он, разливая по рюмкам.

Близкое окружение российского президента прекрасно понимало, что Борис Ельцин, подписав Беловежское соглашение, пошел на грубое нарушение статей 74—76 Конституции СССР 1977 года, Закона СССР от 3 апреля 90-го года «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР», статей 4, 5, 68, 70, 71, 76 Конституции РСФСР 1978 года, статей 4, 6 Закона РСФСР от 24 апреля 1991 года «О Президенте РСФСР». И он совершил указанные действия вопреки воле народов РСФСР о необходимости сохранения СССР, выраженной во время всенародного голосования (референдума) от 17 марта 1991 года. В свободной Америке сей букет стоил бы с десяток пожизненных сроков...

Неумолкающая радиоточка возвестила о том, что в Москве пробил девятый час вечера. Недалеко от дома бухнуло. В парке Ленина давали праздничный салют. Восемнадцать орудий палили холостыми.

Салютные установки запускали ввысь заряды с фейерверком. Яркие вспышки на мгновения озаряли небо и, затухая, гасли. Артиллеристы еще не знали, что производят последний салют...

Вернувшись с балкона, офицеры расселись по своим местам. Через один тост общий разговор вновь вернулся к волновавшей всех теме.

– Горбачев, иуда, – сверкнул глазами Хлебников, – упустил момент. Промедлил, трусил, не принял мер, чтоб арестовать изменщиков...

Валера Пожарчук в горячке хлопнул ладошкой по столу:

– Треба было тогда брать их всех, подлецов, тепленькими, хватать за шиворот и прямоком тащить в «Матросскую тишину». Хай бы сидели вместе с Янаевым, Крючковым, Язовым и прочими...

– Столько горя людям принесли... Вдумайтесь только...

На днях на закрытом совещании до них довели секретные данные о том, что за пределами Российской Федерации оказались 25 миллионов русских, а вместе с малороссами и белорусами – вдвое больше. Стали они иностранцами на родной земле. Оказался разделенным осетинский народ. Вопреки их воле были отделены абхазы. Права разделенных и отделенных народов расчленителями никак не обговаривались.

Те, кто разрушал СССР, действовали в нарушение существовавшего законодательства и Хельсинкского Акта 1975 года о неизменности государственных границ.

Этот принцип не раз подтверждался, к примеру, на аналогичном совещании в Вене в 1989 году. Но тут его нарушило само правительство Российской Федерации – в ущерб самим русским интересам – из личных эгоистичных соображений косящего под «демократа» честолюбца.

Прищурившись, Димка попенял указующим перстом:

– А Запад одобрительно хлопал в ладоши и слезно умилялся, глядя на творящиеся беззакония и безобразия. Хоть бы слово против вякнули...

К несказанному их удивлению, западные демократии поддержали на всей территории бывшего СССР явно нелегитимные режимы бывших вождей КПСС, будто все произошло строго в рамках всех законов...

– А как наши вожди, – усмехнулся Ветров, – и думать позабыли про все свои прежние коммунистические идеалы, сорвали с себя маски...

Рэм тут покачал головой. Не только один их преподаватель-майор с первой кафедры, с пеной у рта доказывавший, что правильнее научного коммунизма может быть только научный коммунизм, вдруг запел совсем иные песни. Подобных перевертышей насчитывалось море...

Партийные лидеры вмиг перекрасились в демократов, утверждаясь на антирусской националистической идеологии – с поощрения США.

– Дожились, – вздохнул Хлебников, – американцы хозяйничают на всей бывшей нашей территории, как у себя дома. Шеварднадзе захватил власть в Грузии при прямой поддержке ЦРУ посредством переворота против законно избранного президента. Творят, что хотят...

Знающий чуть больше своих гостей, Ветров предположил:

– И Москва всецело поддержит эти родственные по происхождению режимы, исправно дотируя всех соседей своими поставками дешевых энергоносителей – несмотря на репрессии этих самых режимов против русского населения на своих территориях. Ельцин исправно заплатит за то, что его поддержали в борьбе против Горбачева...

– А этот наш Комбайнер трусливо отступил, поджав хвост...

Для всех них стало большой неожиданностью, что 25 декабря 1991 года Горбачев ушел с поста президента СССР. Не знали они, что в виде отступных тот выдвинул целый список, который «практически весь состоял из материальных требований. Пенсия в размере президентского оклада с последующей его индексацией. Президентская квартира, дача, машина для жены и для себя. Но главное – Фонд... бывшая Академия общественных наук, транспорт, оборудование. Охрана».

Все это Горбачев получил. 26 декабря верхняя палата Верховного Совета СССР – Совет республик – приняла декларацию о прекращении существования СССР как государства.

– Иуда! Думал только о себе. За державу даже и не радел...

Раздался звонок в дверь. Ветров пошел открывать.

– Что, не ждали? – на пороге стоял генерал в отставке, Ершов Павел Евгеньевич. – Как поживаешь, племянничек...

За столом оживленно загудели. Генерал от военной разведки мог, не задумываясь, при желании ответить практически на любой вопрос.

Провозгласив тост за здоровье хозяев и их детишек, Ершов выпил, с аппетитом нацепил на вилочку маринованный огурчик.

– Павел Евгеньевич...

На вопрос Рэма генерал презрительно пожал плечами и ответил с ходу, будто заранее готовился к предстоящему выступлению:

– Ему свыше на роду предписано быть послушным и услужливым исполнителем чужой воли. Став в одночасье по стечению обстоятельств полновластным Хозяином могущественной державы, он так и не смог уже обходиться без чьих-либо подсказок и нашел их не где-нибудь, а в Белом доме в лице американского президента. Сейчас про это, конечно же, можно говорить все, что кому угодно, но результат его деятельности налицо. Своим бездействием он позволил развалиться Союзу. Союзные республики по-воровски разбежались, прихватив с собой самые лучшие куски, с кровью отодрав их от России...

После недолгой паузы Ветров задал вполне уместный вопрос:

– Это, дядя, твое личное мнение или оно кем-то подтверждено?

Бывший разведчик хитровато прищурился:

– Я на память зачитаю выдержки из беседы с одним влиятельным человеком. На заданный ему вопрос он отвечал, что утверждения о том, что Советский Союз был обречен, что это было противоестественное образование – чепуха. Как экономист он не считал, что при Брежнев был застой – скорее политический термин, а не историческое понятие. Темпы роста в 60-х годах были довольно значительны. В 70-е – начале 80-х годов они сократились до трех процентов, но это характерно для любой развитой, «технологически зрелой» экономики...

По его мнению, перестройка или реформы всегда были нужны. Реформы – процесс непрерывный и при социализме, и при капитализме. Они синхронизируются с определенным этапом научно-технического развития, социального прогресса, с ростом потребности людей...

Изменения постоянны, поэтому и экономическая политика должна непрерывно изменяться, учитывать новые ситуации, новые потребности общества. Это было многим понятно. Поэтому они все приветствовали приход Михаила Горбачева, объявленные им цели, в том числе в рамках заявленной им перестройки...

В ходе частной беседы весь упор делался на том, что в разрушении Союза главную роль сыграли субъективные факторы. Некомпетентность союзного руководства. Эгоистическое желание всех лидеров союзных республик избавиться от контроля центральных властей, использовать идущие горбачевские демократические реформы для разрушения основ государства и принципов общества...

Выслушав генерала, офицеры долго молчали. До понятия многого они и сами доходили, но кое-что расползлось за рамки их понимания.

– Выходит, что Горбачев с самого начала хотел изменить в стране социальный строй, но по известным причинам эту цель от всех скрыл.

Ершов с ответом не спешил, обдумывал каждое свое слово. Совсем непросто было ему ответить на то, над чем быются многие НИИ.

– Я так не думаю. Он был достаточно убежденным коммунистом, но на него большое влияние оказывал Запад. Горбачев хотел сравняться с западными лидерами, занять место среди них. К сожалению, у него, как у многих советских лидеров, был комплекс неполноценности в общении с западными лидерами. Запад его подталкивал к реформам, но Миша по своему образованию и жизненному опыту не был готов к их разумному проведению. Он не имел ни тактики, ни стратегии – были сплошная импровизация и губительное желание все изменить одним махом...

Вбросили лозунг: ускорение. Генсек объявил, что до восьмидесяти процентов машиностроительной продукции должно соответствовать мировому уровню. Это пахло дилетантизмом, и, естественно, кампания провалилась. Под видом реформ происходила революционная ломка структуры управления. Единым махом уничтожили все министерства, связанные с производством техники для предприятий легкой и пищевой промышленности, животноводства, потом набросились на ВПК...

Печальный же итог волюнтаристского подхода к крайне серьезным вопросам экономического блока нам всем известен...

Антиалкогольная кампания по существу провокационная. Возник не контролируемый самим государством подпольный рынок производства алкоголя, взрывным образом расползлась наркомания...

Появился дефицит продовольствия. Потом начали шантажировать население повышением цен – изобретение министра Павлова...

Грядущее повышение напугало людей, привыкших к стабильным ценам. Возник ажиотажный спрос, прилавки мигом опустели...

В условиях, когда едва устанавливающееся рыночное равновесие было искусственно нарушено, начались споры по поводу выбора модели экономического развития. Одни члены

правительства говорили одно, другие – иное. Появились планы Абалкина, Аганбегяна, Явлинского...

Многие обыватели совершенно потерялись в ориентирах. Началось брожение умов в поисках внезапно утерянной истины...

А когда все непродуманные экономические эксперименты привели на практике к хаотическому спаду экономики, правящая элита решила компенсировать свою неспособность управлять великой страной за счет политической демагогии. Появились гласность, идеи о «новом Союзном договоре» вопреки действующей Союзной Конституции и прочее...

Речь генерала произвела убойный эффект. Офицеры раздумывали. Тревожное молчание нарушила Светлана, жена Ветрова:

– Надо полагать, Павел Евгеньевич, наш Горбачев разбудил спящие общественные силы, и они начали на него давить.

За окном задрезжал на повороте старенький трамвай, донеслась залиvistая трель. Ершов выдержал паузу, прищурил левый глаз:

– Его постоянно подталкивали с двух сторон. С одной стороны на него давили ортодоксальные марксисты из политбюро и секретариата: Лигачев, Медведев и прочие, а с другой его били буквально под руку лидеры межрегиональной депутатской группы во главе с неким Юрием Афанасьевым. Они не давали Горбачеву опомниться. Почувствовав, что он близко к сердцу принимает критику, они нашли больную точку – его желание считаться демократом – и постоянно на нее давили: твердили, что он уступает ортодоксальным марксистам, что он нерешительный и надо смелее равняться на Америку и так далее. Позже я сказал одному из тогдашних сопредседателей, что это ведь они разрушили Союз. На что он мне со смехом ответил: «Кроме тебя, никто этого не знает»...

Не выдержав, Валера Пожарчук подлил масла в огонь:

– Они развалили СССР. Потом перебежали к Ельцину, сеют смуту в его окружении. Нам с Украины и то видно.

– А что, – иронично хмыкнул Дима Хлебников, – коммунисты ваши лучше? Они же первые разрушили единство, отпочковавшись от КПСС, создав свою КПРФ и начав оголтелую травлю Горбачева. Публично идея выхода Российской Федерации из состава Союза прозвучала из уст одного коммуниста-писателя на съезде народных депутатов СССР. Да и проголосовали за выход из состава Союза они практически единогласно – из депутатов Съезда Советов против суверенитета России было только пять или шесть человек...

Поднявшись с кресла, Ветров прошелся по комнате, вслух озвучил один из постоянно тревожащих его вопросов:

– Я думаю, что Горбачев собственными руками лепил могильщиков себе, партии и Союзу...

Все они знали, как относится учение марксизма-ленинизма к роли отдельной личности в истории. Но ход истории нередко поворачивают личные качества лидеров. Горбачев был неравнодушен к критике. Он не мог простить в 87-м Бориса Ельцина за критику на Пленуме ЦК КПСС.

И, считая себя демократом, не смог Горбачев расправиться со своим противником. Его качества, нерешительность и мнительность, привели к кровавым событиям в Закавказье, Прибалтике, в Средней Азии.

Не сбрасывали они со счетов, что, будучи первым секретарем МКГ КПСС, Ельцин был чрезвычайно популярен. Он критиковал курс партии, говорил о недостаточности реформ. Еще тем был Борис демагогом.

Особенно людям нравилось то, что он объявил войну привилегиям. Говорил он, что все должны быть равными, иметь достойные условия жизни. Люди искренне верили, что им нужен именно такой лидер.

– Этот пламенный борец с привилегиями, – хмыкнула Светлана, – окружил себя роскошью, о которой его предшественники и не мечтали.

– Власть портит человека, а безграничная власть доводит пороки до самого абсурда, – попыток Ветерок.

А Рэм невесело улыбнулся. Абсурд добрался и до его личной жизни. Он никак не мог понять, почему их семья живет не по-человечески, не по-людски, врозь, а не вместе. И кому, и для чего такая жизнь нужна...

Политический диспут на время закрыли, отдали должное горячим блюдам. Но народ, пропустив по рюмочке и по второй, вернулся-таки к наболевшей теме. Димка Хлебников ловко зашел с заковыристым хоть на первый, хоть на второй взгляды вопросом:

– Павел Евгеньевич, а этот неуправляемый процесс, на ваш взгляд, можно было предотвратить? Я тут про распад СССР хотел бы...

Трудный вопрос, но генерал от военной разведки ответил достойно:

– Конечно. Надо было ему срочно, не медля, созвать внеочередной Съезд народных депутатов. Принять на нем справедливое и главное, что законное решение вернуть назад в состав РСФСР все земли, щедро розданные налево и направо нашими недаленовидными руководителями.

Гости одобрительно захлопали. Мысль, озвученная Ершовым вслух, пришлась всем по душе. Эстафету подхватил майор Пожарчук.

– Вот-вот! – постучал он пальцем по столу, – Грузии оставить то, с чем она пришла к России, слезно умоляя о защите от Османской Турции, клянясь в вечной дружбе, когда от ее населения оставалось не более сорока-пятидесяти тысяч, а от всех земель – жалкий клочок...

Как выразился далее Валера, Украину следовало бы оставить в тех границах 1654 года, когда хохлы на Переславльской Раде подписали Договор о добровольном присоединении к России. В них и близко не входили богатые земли современных областей: Одесской, Николаевской и Херсонской. Что и говорить про курортный Крым, который им взял и волонтеристски подарил Хрущев в честь 300-летия воссоединения.

К Молдавии присоединили кусок, в несколько раз превышающий саму Бессарабию. Казахстану «радители» своей щедрой рукой прирезали бескрайнее море земель, бездумно проводя границы по карте с помощью карандаша и линейки...

Маленькая стрелка на часах приближалась к цифре «12», когда взял заключительное слово отставной генерал:

– Об истинных причинах распада СССР, конечно, еще долго будут вестись неутрахающие политические споры. Но надо сказать, независимо от степени недаленовидности тех или же иных правителей конечная катастрофа курса, взятого Горбачевым, была неизбежна...

С сожалением и горечью приходится констатировать лишь тот факт, что развод мог осуществиться поэтапно, на основе всех известных мировому сообществу правил, через согласительные механизмы, через прагматичный торг, как обстояло дело с Британским содружеством.

А господа Ельцины, Шушкевичи и Кравчуки своим совместным решением разодрали всю огромную страну на куски, заложили при этом разделе десятки мин замедленного действия и вменили себе в заслугу.

Впрочем, что еще можно было ожидать от деятелей, взращенных на всех ханжеских идеалах КПСС, так называемых верных продолжателей Ленинской национальной политики...

Отставной генерал тяжело дышал. Обычно спокойные глаза Ершова налились яростным негодованием. Ветров глухо обронил:

– Теперь, дядя, об этом уже поздно, наверное, поднимать вопросы?

– Теперь, Юрок, все крайне сложно. Нет того Союза, который был правомочен решить эти вопросы у себя внутри. А теперь это отдельные самостоятельные государства. Они прикроются международным правом и будут яростно драться за каждый кусок перепавшей им земли...

Не поднимая головы, Рэм ковырялся вилкой, пытаясь подцепить маринованный грибок. А тот, будто дразня, не поддавался, ускользал. И время от них коварно ускользнуло, вспять его, увы, не оборотить.

Конфликты на национальной почве жарко вспыхнули и в Южной Осетии, и в Абхазии, и в Абхазии, территориально входящих в Грузию.

Не все здорово в Молдавии. Этнические волнения уже начались в Нагорном Карабахе. Оттуда начали выгонять армян, проживающих на территории Азербайджана. Эти нации и так не любили друг друга, а кто-то умудрился целый армянский район включить в состав Азербайджана.

Огромная страна развалилась. К власти устремились всякого рода проходимцы и все авантюристы. Нечистая сила всех мастей вырвалась наружу. Ничего хорошего от бала Сатаны ждать им не приходилось...

Будто по команде друзья-товарищи поднялись, попрощались. Дверь за ними закрылась. Присев на стульчик, женщина горестно вздохнула:

– Все так, Евгений Павлович, на самом деле плохо?

– Да, Светлана, – Ершов кивнул головой, – если и того не хуже. И то хорошо, Юрок, что вопрос о твоём переводе в Ленинград-Петербург решен. И с обменом квартиры мы по всем пунктам договорились...

Ближе к весне Ветровы уехали, простившись с южным городом и со своими друзьями. Украина хотела жить самостоятельно. Многим людям по их идейным соображениям в ней места более не находилось.

А Рэм остался в этом городе один. Пусто стало на душе. Разлад шел во всем. Наверное, тогда и появилась трещинка у него на душе, и в ней начался свой разлад. Нет, не правда. Он сам себя пытается обмануть. Все это началось немного раньше, за полтора года до всего этого...

4

...В то лето они повезли своих курсантов на стажировку. Почти сто пятьдесят человек – половина третьего дивизиона приехала на практику.

Артиллерийский корпус, расквартированный в городке-спутнике Уручье, раскинулся в двадцати минутах езды от города-героя Минск, столицы радушной и хлебосольной Белоруссии.

Компактный военный городок и рядом с ним жилые кварталы с домами для семей военнослужащих. Добротная инфраструктура и все, что нужно для комфортной городской жизни.

Махнув на прощание прапорщику Оранскому, вместе с которым служил в Германии, Рэм прошел через КПП и медленно прогуливался по улице. Он с интересом поглядывал на вывески магазинов, старался на будущее запомнить быстро достижимые места их расположения.

– Рэм! Рэмка! – некто со спины догнал его и положил свои руки ему на плечи. – Постой...

Еще не решаясь и уже боясь сделать простенький разворот назад, он остановился. Внутри у него резко похолодело. Потом его бросило в жар. Женский голос был настолько до боли знаком, что он боялся поверить.

Скорее всего, он боялся того, что окажется прав, что память ему не изменила. Не мог, не мог он ее голос забыть. Он помнил его всегда.

– Рэм, ну, что с тобой?

Теперь сомнений, вернее, путей для бегства не оставалось, и парень начал медленно поворачиваться.

– Ты? – Рэм, как ни старался, скрыть свое изумление он не смог.

– Я, как видишь... – ликующе выдохнула сероглазая красавица.

Женское лицо сияло и красноречивее всех слов свидетельствовало о том, что, по крайней мере, она их встрече несказанно рада.

– Ты... как тут оказалась?

– Рэм, я здесь живу. Здравствуй, Рэм. Я рада тебя видеть.

Внутри у мужчины крупно колотило, он, скрывая все свое волнение, сухохато произнес:

– Здравствуй, Рина.

– Ты, я вижу, не рад нашей встрече? – красавица моргнула.

На лице у Марины появилась недоуменно обидчивая улыбка. Она покраснела, и он, не желая обижать ее, поспешил исправить ситуацию:

– Нет, Рина, я рад. Просто я никак не могу прийти в себя. Я рад видеть тебя. Безумно рад.

– Пойдем со мной, – она потянула его за собой. – Идем же, идем...

Послушно повиновался, увлекаемый ее уверенной настойчивостью, и только, когда они поднимались по лестнице, он запоздало спросил:

– Куда мы идем?

– Потом. Потом ты все сам поймешь.

Входная дверь за ними захлопнулась. Ее губы потянулись навстречу его лицу. Он отступил от нее на шаг назад и уперся спиной в стенку.

Прикрыв глаза, Рэм грустно усмехнулся. Вот он и сам, сам по своей собственной глупости угодил в западню. Так просто теперь из ее рук не вырваться. Ни за что не вырваться. Но хочет ли этого он сам? Вырваться и уйти? Трудно признаться даже самому себе. Настолько Марина своим появлением все запутала, перекрутила в противоречивый жгут...

Тонкие женские пальцы нежно и ласково дотронулись до его лица. Рэм вздрогнул, ибо неожиданно и ошеломляюще остро подействовали на него ее прохладные прикосновения. Они зажгли в нем огонь желаний.

– Не надо, Рина, – на его лице проступили муки внутренней борьбы. – Я не могу. Я женат.

– Один поцелуй, – она закрыла глаза и потянулась к нему. – Всего один невинный поцелуй...

Всем своим видом Рина говорила, что многого она пока не просит. И разве можно было отказать человеку, которого не видел столько лет? У него не хватило сил отвести от себя руки, добравшиеся до его затылка.

«Всего один поцелуй, и я... я тотчас уйду», – мелькнула в мозгу мужчины примирительная мысль.

– Рина, всего один поцелуй... – предупреждая, произнес Рэм.

И кого же он снова хотел обмануть? самого себя? Он же прекрасно понимал, чем все оно может закончиться. Он еще не забыл упоительный вкус ее губ. Они тянули его за собой, и ничего он уже не мог поделать со своим собственным влечением. Шаг, еще один шаг...

– Рэм, ты вспоминал обо мне? – спросила она, нежась на груди человека, ближе которого, наверное, у нее в жизни никогда не было.

– Да, Рина. Да, моя сладкая погибель. Я очень часто вспоминал. Да и сейчас вспоминаю о тебе.

– Да? Это при живой-то красавице жене? – вопрошала его Марина.

Подняв на лежащего рядом мужчину свои сияющие радостью глаза, женщина недоверчиво покачала головой. Потом она вздохнула:

– Ты, Рэмка, сочиняешь, чтоб сделать мне приятное...

И ей подумалось, что, наконец-то, и он научился лукавить. Раньше молвил он то, что видел и думал, что чувствовал и чем жил. Жалко оное осознавать, но слышать все-таки приятно, если не думать, что...

– Нет, это чистая правда... – признался Рэм.

По его лицу проскользнула грустная улыбка, и он пальцем легонько нажал на кончик ее носика:

– Если ты, Рина, еще не забыла, то я никогда не был склонен к тому, чтобы говорить тебе неправду. Ты права, рядом с Диной, кроме как о ней, ни о чем другом не думаешь. Но она не в состоянии всегда быть со мною. И тогда... – он снова улыбнулся. – Знаешь, я часто ловил себя на мысли, что втайне жду того, что снова услышу веселый перестук твоих жизнерадостных каблучков, что кто-то шаловливо накроет мои глаза своими узкими ладошками, и тогда я снова услышу твой чудный голос...

Прикрыв глаза, он вспомнил, как подобное случалось не раз, когда он служил в Германии, когда у них с Диной было все ужасно плохо.

– Рэм, это что, признание в том, что я тебе небезразлична?

Женские глаза радостно распахнулись. Неужели, все же случилось то, на что, казалось, надежды никогда не имелось.

– Да, Рина. Ты мне, как оно выяснилось, вовсе небезразлична. Когда ты уехала из Германии, я вдруг понял, что полюбил. Чувство пришло, и я не знал, что мне с ним делать. Я не стал бороться с ним, – Рэм ласково дотронулся до ее губ и провел по ним пальцем. – Я просто спрятав его глубоко внутри себя и изредка, когда мне никто не мог помешать в этом, извлекал его оттуда и заново переживал все то, что было между нами. Может, кто-то и посчитает меня ненормальным, но это меня нисколько не волнует. Это мое собственное, глубоко личное...

Рэм машинально потер скулу. Ему всегда казалось, что именно там оно навеки и останется. Если бы не неожиданная и нежданная встреча с его прошлым, и горьким, и сладким одновременно.

– А Дина знает? Она что-нибудь спрашивала обо мне?

– Дина?.. Нет, – он неопределенно пожал плечами. – Она никогда не интересовалась именем той, с кем я в Германии жил до нее. Мне всегда казалось, что она намного старательнее, чем я сам, обходит тот вопрос десятой стороной. Сам не знаю почему, но это так...

Неожиданный вздох вырвался из женской груди. Чего в нем было больше: огорчения, сожаления или же тихой радости? О чем задумались чудные глазки, укрывшись дымчатой пленкой? Глядя в них, Рэм молчал, ожидая очередного вопроса, который долго ждать себя не заставил.

– У вас, Рэм, с ней все хорошо? – сероватые глаза-озера очистились от хмари и засияли в тревожном ожидании.

В ее душе затеплилась надежда. А вдруг, а вдруг... И тогда, тогда...

– Да, Рина. Ты же знаешь, что она прекрасный человек.

Согласно кивнув, Марина снова вздохнула:

– Знаю. Поэтому я ей, как только узнала, что у вас родилась дочь, и уступила. Живя со мною, ты бы скоренько проклял и меня, и себя...

– А ты, девочка, изменилась... – негромко произнес мужчина.

Пока суд да дело, мужские чуткие глаза и пальцы замечали все.

– Я стала некрасивой и больше тебе не нравлюсь?

В заданном вопросе, кажется, было чуть каприза. Немного кокетства примешалось в нем. И присутствовало еще что-то неясное.

– Нет, почему же, – он широко улыбнулся. – Ты стала женственнее. У тебя в жизни, Рина, было большое потрясение. Возможно, оно связано со мной. Прости меня, Рина, если это, действительно, так. Но ты сумела пережить все. В твоих глазах я не увидел следов боли, тоски и печали. Они у тебя играют всеми жизненными красками. Не думаю, что то лишь следствие того, что я рядом с тобой. В тебе нет гнетущей неуверенности. Значит, дела у тебя складываются, в общем-то, неплохо...

И Рэм чувствовал, что все это несказанно его радует. Намного было бы хуже, если бы дела у Рины складывались бы не столь хорошо. Тогда его вина во всем произошедшем только удвоилась бы или утроилась бы.

– Хотя отсутствие постоянного мужского внимания чувствуется...

В этом он не мог ошибиться. Об этом говорило, громко кричало ее тело, бесстыдно раскрывшее перед ним всю свою неудовлетворенность.

– Да, – женщина целиком подтвердила его предположения, – тут ты прав. У меня страшно-страшно давно не было мужчины.

Найдя ее руку, Рэм прикоснулся губами к тоненьким пальчикам, заодно прикрыл от женщины свой взгляд и тихо произнес:

– Я тебе как-то говорил, может, еще помнишь, что тебе следовало бы завести себе близкого друга.

– Зачем? – Марина удивленно улыбнулась. – У меня есть ты. Ты же мне друг? Нет, ты скажи мне, скажи...

Совершенно не понимая, куда она клонит, мужчина неопределенно пожал озадаченными плечами:

– Друг...

– И ты мне больше, чем друг?

Окинув ироничным взглядом разобранную постель, Рэм, конечно же, был вынужден подтвердить:

– Выходит, что больше...

– Ну вот! Зачем же мне еще кто-то?

Рэм крепко-крепко зажмурился. Боже, в нем все содрогнулось. Она совсем не понимает того, о чем он толкует. Или же она искусно ведет неведомую, пока несколько непонятную ему игру? Чего она добивается? Ах, Рина-Рина...

– Рина, девочка, но я далеко от тебя. Что толку от далекого друга?

И снова его щедро одарили лукаво загадочной улыбкой:

– Да, ты прав, конечно. Тепла от тебя, как от луны. Но даже мысль о тебе согревает мою душу. Мне этого вполне пока достаточно. Пока...

Глядя на Рину, мужчина хмыкнул. Его-то все равно на мякине не провести. Он давно уже не мальчик и кое-что в этой жизни пока еще понимает, и кое в чем неплохо разбирается. Особенно в женских глазах.

– Может, это и не мое дело, но у тебя, Рина, все-таки кто-то есть. Ты не похожа на одинокую по всем статьям женщину. Признайся...

Вспыхнули ярким огоньком женские глазки, которые он смог столь верно просчитать, и предусмотрительно поспешили уйти в сторону:

– Рэм, я бы пока не хотела касаться этой темы.

– Значат ли эти твои слова, что мне следует скромно замолкнуть? – прикрыв свой рот широкой ладонью, Рэм озорно подмигнул.

Если ей неприятно, то он оставит все свои наблюдения при себе. Только, насколько он еще помнит, Рина всегда обожала послушать его.

– Нет-нет, Рэм, ты продолжай. Я хочу выслушать тебя до конца. Но ты, пожалуйста, не задавай мне вопросов, – предупредила она.

Многозначительной улыбкой женщина дала ему понять, что придет время, и она на все ответит. Но только не сейчас, а после того, как...

– Хорошо, Рина, – уголки мужских губ понимающе опустились вниз. – Боюсь, конечно, ошибиться, но я выскажу предположение, что изменившиеся формы твоих грудей говорят мне о том, что ты, девушка, возможно, родила.

– Даже так? – женщина озадаченно моргнула.

Нарвавшись на его граничащую с полной бестактностью или же с дерзостью откровенность, она смутилась и отвела глаза в сторону.

– Ты, Рэмка, помнишь, какими они были? Это мы не обсуждаем. Но тебе не кажется? – она, придя в себя, негодуя взмахнула ресничками.

– Что мне не кажется? – отпарировал Рэм вкрадчивым вопросом.

Мягким движением руки он заставил ее смотреть ему прямо в глаза.

– Ты хочешь сказать, что я вторгаюсь в запретную зону? Но это не я затащил тебя в постель, а ты – меня. Разве ты, девочка, не знаешь, что близкие отношения могут предполагать и что-то еще? Извини, конечно, если я случайно задел твою болезную тему. Но я не склонен думать, что испытанное тобою потрясение как-то связано с потерей ребенка.

– Нет, не связано, – словно подтверждая, ее лицо осветилось мягкой улыбкой. – Можешь не беспокоиться. Ты не сказал мне ничего такого, что могло бы причинить мне боль. Что ты еще можешь сказать обо мне?

– Я могу предположить, что ты эту квартиру снимаешь. Причем, уже давно. Возможно, что она даже принадлежит тебе. Хотя, признаться, я теряюсь в догадках и пока не могу уяснить, как могло случиться, что у тебя появилось собственное жилье...

Наверное, он попал в самую точку, потому как в ее глазах зажглись веселые и чуточку дразнящие огоньки. Рина чуть сузила один глазик:

– И что заставляет тебя думать подобным образом?

– Я знал от Сашки Григорьева, что ты уехала в эти места к своим родственникам. Но хочу заметить, Рина, что тут городок для военных. Знаешь, получить среди них квартиру? Весьма проблематично. И трудно понять, каким же образом. Но живешь ты здесь прилично.

– Почему? С чего ты взял? – мгновенно спросила она.

Затаив дыхание, Рина, выжидая, прищурилась. Ее всегда поражала его способность к аналитическому мышлению и не только.

– Потому что тут, Рина, милая девочка, нет чужих запахов. Ну, нет, к примеру, чужих парфюмерных запахов. Исключительно твои. Да-да, присутствуют одни запахи твоих духов. Я

еще хорошо помню твой вкус. У тебя всегда был отменный вкус. Наверное, оно у тебя врожденное...

– Однако же! – женщина усмехнулась. – Ты, Рэм, слишком много помнишь для человека, у которого есть любимая жена. Но я рада...

– Чему? – мужчина чуть наклонил голову.

Рэм внимательно посмотрел на женщину. Ему хотелось знать, чему это Рина так рада. За эти годы она стала другой. Из немного наивной и очаровательно взбалмошной девчонки Рина превратилась в совершенно обворожительную и изысканно утонченную женщину.

– Твоему отношению ко мне. Я еще раз убедилась, что не была для тебя в те дни простой игрушкой, одним лишь удобным средством для удовлетворения твоих собственных потребностей.

Грустно усмехнувшись, мужчина укоризненно качнул головой:

– Рина, кажется, тогда я тебе обо всем четко и довольно ясно сказал. Я тебе во всем откровенно признался. Мы во все внесли ясность.

– Может быть, – она задумчиво провела пальчиками по его лицу. – Но мне, знаешь, могло показаться, что ты качнулся в мою сторону от охватившего тебя глубокого отчаяния. А потом, когда все переменялось, ты резко повернул оглобли своих саней в другую сторону.

– Рина, поверь мне... – Рэм придержал ее пальчики возле своих губ.

Он нахмурился. Прошное снова настигло его, накатило тяжелой волной, и его глаза подернулись серой дымкой.

– Рина, ты же не знаешь, как тяжело было мне принять то решение. Мое сердце разрывалось на две части. Если бы не дочка, я бы к ней, к Дине, никогда не вернулся бы. Я остался бы рядом с тобой...

– Когда-то ты говорил, что не смог бы прожить со мною всю жизнь.

– Сейчас я так не думаю.

– Почему?

– С годами, Рина, все-все меняется. На некоторые вещи начинаешь смотреть несколько иначе, а порой и совсем по-другому...

То, что ему когда-то казалось совершенно невозможным, сейчас таковым не видится. Если бы в его жизни не существовало бы Дины, он с огромной радостью стал бы жить ради Рины, ради ее счастья...

– Почему ты, когда я тебя позвала, ничего не спрашивая, послушно пошел за мной? Пошел ты на заклание, как жертвенный барашек...

– Почему я пошел за тобой? – он улыбнулся. – Дело было так:

Улыбка нежная твоя,
Загадку вечную тая,
Подав сигнал мне и маня,
Лишила напрочь сил меня...

– Мило, однако. Ты все еще говоришь стихами?

– Нет, Рина, почти нет. Пропала юношеская восторженность миром. Все приелось. Внутри все больше горькой желчи. Где уж тут говорить стихами? Из истерзанной мучительными сомнениями и колебаниями души рвутся одни лишь отборные и многоэтажные матюги...

И еще он хотел добавить, что не его в том вина, а всего того, что окружает их, что на самом корню душит все яркое и индивидуальное, не вписывающееся в общие рамки. Хотел Рэм сказать, но промолчал.

– Как грустно. Я знала тебя немного другим.

Мужчина поймал женские ладошки, приблизил их к своим губам:

– Я же говорил тебе, Рина, что все в жизни меняется. Видишь, и я не исключение в этом ряду, что только подтверждает само правило...

Соскользнув с постели, женщина накинула на себя легкую ткань и, удаляясь, неожиданно для него спросила:

– Рэм, а если бы я в Германии забеременела от тебя? Что ты сказал бы по этому поводу? Как бы ты поступил?

– Рина... – гость резко встряхнул головой.

В вечернем воздухе ощутимо разлилась невидимая тревога, и глаза мужчины мгновенно настороженно сузились:

– Ты, девочка, не шути такими вещами. Зачем говорить о том, чего нет? – он весь передернулся, на один миг представив себе невероятную ситуацию, в которую неминуемо попал бы, случись оное.

– Ну... – грудным голосом протянула Рина.

Неопределенно пожав плечами, она издали кинула взгляд, полный загадочности, пробуждая в нем непонятное волнение.

– Рина, давай-ка, закончим мы с тобой эту опасную игру. Она может привести к непредсказуемым, никому ненужным результатам.

– Ты чего-то боишься? – женщина одарила его лукавой и немного дразнящей улыбкой

– Знаешь, Рина, – он недовольно поморщился, – иногда за, вроде бы, невинными вещами может стоять нечто большее. Извини меня, но я не готов к серьезному разговору с тобой. Ты уже не та девочка, какой была. Мне сейчас трудно говорить с тобой игриво снисходительным тоном, за которым всегда легко удавалось спрятать свою неуверенность или еще что-то. Ты стала совсем взрослой... – признался Рэм.

И, если честно сказать все самому себе, он теряется. Он начинает чувствовать себя неуютно. И напроочь рушится идиллическая атмосфера феерического праздника, что царила в самом начале их встречи.

– Все, Рэмка, все, – она чутко уловила перемену в его настроении. – Давай, лучше вернемся к более приятному. Так ты говоришь, что грудь моя сильно изменилась?

Легкими шажками искусительница приблизилась к нему, развела полы халатика. Соблазнительные розовые комочки замаячили перед его восторженно раскрывшимися глазами.

– И она тебе больше не нравится?

– Не нравятся? Твои груди? – воскликнул мужчина.

В ответ на ее вопрос ресницы его удивленно заколыхались.

– Они стали другими, но прелести своей не потеряли. Они созрели, налились, как дивные заморские плоды. Меня жутко тянет попробовать их изумительно терпкий вкус...

В подтверждение вышесказанного им мужчина губами потянулся навстречу одному из ее выставленных напоказ плодов.

– Ах, как чудесно! – чувственно простонала она. – Боже! Почему они столь бесстыдно чувствительны?

– Знать, мать-природа наша приложила все усилия для того, чтобы женщина, кормя свое дитя, испытывала только радость и наслаждение. Это и есть самое настоящее чудо...

– Ты думаешь? – чуть наклонив голову, Рина прищурилась.

Порой, нет, она всегда поражалась его способности и умению найти всему всеобъемлющее объяснение, искусно скрытое от простого глаза.

– Мне, Рэмка, всегда почему-то казалось, что так создано природой исключительно для чувственного наслаждения.

– Нет, Рина, в природе самое главное – продолжение своего рода. Все остальное является лишь следствием стержневого закона. Хотя, надо признаться, человек достиг всех мыслимых и немыслимых пределов и вознес искусство наслаждения на невообразимую высоту.

– Да, Рэмка, я оное славно чувствую на себе, – тихо прошептала женщина, опускаясь в лодку, плывущую по бурной реке наслаждения.

Прикрыв глазки, Рина вздохнула. Как давно она об этом мечтала...

Чужой будильник непривычно тикал под самым его ухом. И Рэм не смог бы сказать, что это его сильно раздражало. Но оно настраивало на томительно тревожную волну. Вчерашнее весело пьянящее очарование неожиданной встречи, всколыхнувшей всю его душу, тихо уступало свое место обыденной реальности. Пора бы ему уже и опуститься с небес на грешную землю. Пришло время дать оценку всему произошедшему.

Лежащая рядом с ним женщина зашевелилась во сне и еще крепче прижалась к нему. На ее губах гуляла счастливая улыбка. Она спокойна, довольна, ей хорошо. В который раз она смогла добиться своего.

С нежной грустью смотрел Рэм на Маринку. Вот и снова она смогла урвать у судьбы кусочек счастья, которого ей так, может быть, сейчас не хватает. И раз ими дело сделано, то какая теперь разница в том, сколько он еще сможет подарить ей пьянящую возможность пребывания в этом радостном состоянии. Пусть ей будет хорошо. А со своей совестью он разберется потом. Семь бед – один ответ...

Пробуждаясь, Рина сладко потянулась всем телом. Она умилительно по-детски причмокнула губами и открыла глаза. Дивная сказка ей не приснилась. Он и точно существует, и находится рядом с нею.

Сбылось то ее потаенное, о чем ей жарко мечталось который год подряд с тех самых пор, как она увидела первых курсантов, приехавших в их военный городок для прохождения войсковой стажировки. Правда, тогда, кажется, приехали сумчане. Потом у них побывали хмельничане.

Последними в тот год отметились курсанты с их родного, как она считала, имея на то полное право, училища. Но тот, кто ей был нужен больше всех, с ними не приехал. Не прибыл он и на следующее лето.

В прошлом году она лицом к лицу столкнулась с одним офицером, и тот ее узнал. И она его сразу узнала. Он учился в той же батарее, что и ее муж Мишка. Этот Володька, да, именно так его все звали, популярно растолковал ей про существующий порядок стажа: кто и когда едет на практику. Судя по его словам, дивизион, в котором служил Рэм, должен был стажироваться на следующий после них год.

С всевозрастающим нетерпением ждала Марина приближения лета. Ждала она и вот, наконец, дождалась. Пусть хоть и всего на несколько дней Рэм будет ее и только ее. Она и сама удивилась, но на этот раз он и не сильно-то противился их сближению. Значит, он все же любит ее. В глубине души своей, по-своему, но все же любит. Это ли не счастье – сознавать, что она кому-то небезразлична, что ее любят...

– Мне пора, – шепнул он, поймав ее вопросительный взгляд.

– Ты еще придешь? – едва ли не одними губами спросила Рина.

Черные глаза-омуты расширились, позволив заглянуть на их самое дно. Там плескалось искреннее желание вернуться наряду с неясным и самим им не осознанным сомнением в правильности такого шага.

– Это зависит от тебя.

– То есть? – она удивленно встрепенулась, услышав от него столь неожиданный ответ.

– Я приду, если ты, конечно же, меня пригласишь...

Едва различимая в утреннем свете улыбка чуть заиграла на уголках его губ и тихо угасла, неуловимо глазу растаяла.

– Знаешь, я не привык навязываться. Тем более, если это касается женского общества...

До нее, наконец, дошло, и женщина облегченно прыснула в кулачок:

– Рэмка! Ты все шутишь, а у меня сердечко так и екнуло в испуге от того, что я больше тебя не увижу. Ты был, есть и всегда будешь самым желанным гостем в моем доме...

Заявляя об этом, она нисколько не кривила душой. Оно так есть, так всегда и будет. Ближе и дороже Рэмки нет у нее человека. Точнее, он один из самых дорогих и близких ей людей.

– Спасибо, Рина... – Рэм кивком поблагодарил ее.

По мужскому лицу гуляла задумчивая улыбка. Хотя, в принципе, он все уже для себя окончательно решил, о чем и сообщил, чуть погодя:

– Я думаю, что скоро вернусь. Узнаю, как там дела и сообщу своим, где меня надо искать, случись что. Кажется, в прихожей я заметил нечто похожее на телефон. Ты позволишь мне оставить им твой номер?

– Конечно, Рэмка, пусть звонят к нам, – она поняла, что он не прочь проводить с нею большую часть своего времени. – Можно, я пройдусь, прогуляюсь с тобой? Или ты побоишься появиться вместе со мною?

– Нет, девочка, – он усмехнулся. – У нас, в нашей среде, не принято громко трезвонить о столь деликатных вещах. К тому же, у меня крепкая репутация, – его левая щека пару раз дернулась. – Они легко проглотят от меня любое мое объяснение...

Услышав в его чуть ироничных словах скрытое согласие, Маринка быстро собралась и вышла на улицу вместе с мужчиной, открыто держа его под руку, не обращая внимания на изумленные взгляды соседок.

До военного городка добрались быстро. Рэм прошел на территорию. А Рина стояла рядом с КПП, с независимым видом наблюдая за тем, как два солдата усиленно мели прилегающую улицу, а боец с казенным металлическим чайником в руке деловито поливал небольшой пятячок горячего асфальта перед воротами. Все это она уже видела. Вдоволь она насмотрелась, когда простаивала в ожидании своего мужа-курсанта.

– Рэмка, а я знала, что ты в этом году должен приехать, – открыла Рина свой большой секрет, когда они возвращались назад, дала своему спутнику понять, что встреча их вовсе не случайна.

– Вот как? – остановившись, он прищурился, с немалым удивлением смотрел на нее. – И, исходя из чего, ты пришла к интересному выводу?

Весело улыбаясь и ничегошеньки не утаивая, Марина бесхитростно выложила перед ним все свои мудреные соображения.

– Вполне логично, – выслушав ее, согласился он. – Да, надо сказать, тебе жутко повезло. В этом году к вам приехала половина дивизиона. Шансы были один к двум. А если бы я к вам не приехал?

Думалось одному умнику, что поставит милую девушку в тупичок, а она в ответ, не раздумывая, скоренько и откровенно призналась:

– Я бы собралась и сама поехала к тебе.

– Нет, Рина, – он отрицательно качнул головой. – На территории, где обитает Дина, ничего подобного случиться не могло...

И она прекрасно поняла его и с легкой улыбкой на лице успокоила:

– Я и не думала о том. Но ты был нужен мне для одного крайне важного для меня разговора.

– И о чем же, если не секрет? – попытался он чуток рассеять туман.

Но женщина, загадочно улыбаясь, в который уже раз легко ушла от прямого и конкретного ответа:

– Чуть позже, Рэм, не сейчас. Время для него еще не пришло.

– Хорошо, – он пожал плечами, призадумался.

И это они покамест отложат. Только успеет ли он потом предъявить ей счет на все отложенное ими?.. Рина будто прочитала его мысли:

– Успеешь, Рэм. Ты все еще успеешь. Скажи, Рэм, ты можешь одну знакомую девушку пригласить в ресторан?

Моргнув, мужчина смущенно улыбнулся:

– Запросто, Рина. Извини, что я не догадался предложить первым. Может, потому что у нас с тобой все сразу пошло не тем чередом, а?

Чудные серые женские глазки, встретившись с его испытывающим взглядом, недоуменно расширились:

– Это как?

– Ну, сначала-то, как правило, по сценарию идет ресторан, цветы и ужин, а потом уже постель... Да-да...

Крылышки ее носика негодуяще расширились. Вот в чем дело! Да он снова мастерски прикалывается над нею! Ужо он погоди!

– Правильно, – она укоризненно покачала головой. – И поэтому ты решил, что первое теперь можно скромненько опустить. Чё молчишь, а?

– Ну, как тебе, Рина, это сказать? – он бросил на нее лукавый взгляд. – Скупенький мужичек нынче пошел. Решил, что можно сэкономить...

И для пущей наглядности Рэм тут же ловко напустил на себя вид тороватого скупердяя. Играя, захлопал лицедей по карманам, чем смог вырвать из благодарной зрительницы короткий смешок:

– На тебя, вроде бы, не похоже было.

– Стареем, Рина, стареем... – Рэм для убедительности вздохнул.

По мужским губам пробежалась усмешка. Куда-то молодость все уходит. А вместе с нею отмирают и прежние барские замашки.

Как кружится у нее голова! От выпитого шампанского или оттого, что он рядом, что она танцует с ним? Сбылась еще одна ее мечта.

Его руки бережно придерживают ее, а она, не обращая ни на кого внимания, крепко-крепко прижимается к нему. Она всегда восхищалась его умением танцевать, непринужденно вести свою партнершу, легко и изящно, словно всю жизнь только этим одним и занимался.

– Рэмка! – горячо выдохнула она возле его уха.

– Да, девушка, я слушаю вас.

– Рэм, ты еще способен на сумасбродные поступки?

Ее вопрос несколько озадачил мужчину. Он спросил себя: способен ли он еще на оное? Смотря, конечно, на что и для кого...

– Как? – прищурился он. – Что ты хочешь сказать?

– Рэм, я еще никогда не была в Москве. И чувствую, что никогда уже, наверное, туда не попаду.

Все вокруг двигалось, а перед ним неотрывно стояли ее огромные, невыразимо прекрасные и умилительно умоляющие глаза.

– Рина, девочка, а как ты это себе представляешь? – спросил он у нее, снова оказавшись за столиком.

– Самолетом, Рэм. В субботу мы летим в Ленинград. Ночью мы на поезде переезжаем в Москву. А после обеда заглянем в наш Город.

– В наш Город? – мужчина озадаченно моргнул.

В общем-то, против всей этой идеи в целом он ничего не имел. Но, что касалось последнего пункта, то это, пусть его извинят, перебор.

– Да, я так соскучилась по нему. Хочется снова пройтись по его улицам. Хотя бы на несколько часов. А утром в понедельник вернемся.

– У-у-у, – потянул он. – Ишь, как одна замахнулась!

– Рэм, я очень тебя прошу. Ты у меня единственный друг, к кому я могу обратиться с подобной просьбой. Ты думаешь, что это невозможно, что я прошу чего-то немыслимо заоблачного?

Рэм призадумался. Да, конечно, выглядит как-то так, за той гранью дозволенного, но отнюдь не невообразимо невыполнимого.

– Ну, почему же? – неопределенно протянул он.

– И ты... ты бы смог прокатиться? – она с надеждой заглядывала в его затянувшиеся рассудительным сомнением глаза.

– В принципе, да... – Рэм своей ладонью накрыл женскую кисть.

В этот раз он ответил твердо, не захотев, по своему обычаю, ходить вокруг да около, заставляя ее замирать и волноваться.

– Что-то, Рэмка, на тебя больно не похоже, – Марина с подозрением заглянула в его глаза. – Или ты распинаешься, полагая, что у нас все равно ничего не выйдет? Мол, лето на дворе, билетов туда по-всякому не достанешь. Так ты на пролет особо не рассчитывай. Я билеты достану.

– Да? – моргнув, Рэм усмехнулся.

Пришел черед удивляться ему самому. Все оказалось не так просто.

– Ты, девочка, меня все больше и больше интригуешь.

– Так что? Ты согласен?

– Я... – мужчина осознал, что его окончательно загнали в угол.

Не выдержав ее настойчивого взгляда, Рэм смущенно улыбнулся, опустил глаза, ускользнул в свою защитную раковину.

– Я, Рина, принципиально согласен. Если я смогу договориться с ребятами и со старшим. Думаю, проблем не возникнет. Останется только найти прорву денег. У меня с собой нужной суммы нет, – он виновато развел руками. – Знаешь, я не рассчитывал на то, что встречу здесь тебя. А потому весь твой прожект на практике неисполним...

– У меня есть деньги! – она обрадованно улыбнулась. – Я тебе дам!

– Нет, Рина, ничего не выйдет. За твой счет я никуда не поеду, – Рэм покачал головой. – Извини, но это не по правилам.

Мужские глаза ярко сверкнули. Еще не хватало, чтобы женщина оплачивала все его удовольствия. Жиголо он не был и никогда им не станет. Хватит с него того, что два с половиной года, пока учился, жена его в поте лица трудилась, принося в дом основной их доход.

– Да брось же ты, Рэм, свои дурацкие правила! – Марина искренне возмутилась. – Я тебе предложила, я и оплачу. Какие проблемы...

– Нет, Рина, и еще раз нет, – мужчина твердо стоял на своем.

– Тьфу ты, черт! Я так и знала, что ты все равно, так или иначе, но найдешь причину, чтобы вежливо мне отказать!

Расстроившись, женщина поникла, и глаза ее влажно заблестели.

– Рина, девочка, – он дотронулся до ее руки. – Я постараюсь найти деньги. Займу у кого-нибудь. Нас тут много. С миру по нитке – нищему на кафтан. Что-нибудь придумаем...

– А занять их у меня... ты... можешь? – нащупав подходящее, на ее взгляд, решение возникшей проблемы, Марина с ходу уцепилась за пришедшую ей в голову спасительную мысль.

– Занять у тебя? – он, улыбнувшись, покачал головой. – Ах, Рина-Рина! Девочка, как же ты настойчива в своем желании.

– Ну, так что, на такие условия ты согласен?

Мужская ладонь чуть сжала узкую женскую кисть:

– На такие, да.

– Тогда я, Рэм, завтра займусь билетами! – обрадованная женщина снова засияла и на глазах расцвела.

А он с непонятной улыбкой на губах наблюдал за нею...

5

Их самолет вырулил на взлетку и замер, копя силы перед разбегом. Двигатели дружно взревели, быстро набирая рабочие обороты, сотрясая весь салон мелкой дрожью. От неожиданности Рэм вздрогнул. Чья-то рука с силой вцепилась в него чуть выше колена. Он повернул правый глаз и скосил его в сторону. Соседка его побледнела и трусила в такт с самолетом, может, еще сильнее. Вот новость! Кто-то страшится полета?

– Рина, – он склонился к женскому уху, – что с тобой? Ты боишься?

– Рэмка... – глубоко вздыхая, она через силу виновато улыбнулась. – Знаешь, я лечу первый раз в моей жизни, и мне ужасно как страшно. Я сама не знала, что могу оказаться страшной трусихой. Ты уж прости...

– Успокойся, девочка. Все будет хорошо, – широкая ладонь ласково опустилась на ее руку. – Ты вспомни-ка что-нибудь приятное из своей жизни, и тебе сразу станет намного легче.

Под крылом самолета замелькали зеленые квадратики полей, линии лесопосадок и шоссе, зеркальные овалы голубых озер...

– Спасибо, Рэмка, – почувствовав перетекающую в нее уверенность, Марина окинула соседа благодарным взглядом. – Мне чуточку стало легче от одних твоих слов.

Задорно подмигнув, Рэм предложил:

– Рина, хочешь, я тебе что-нибудь привру про Ленинград?

– Да, конечно же, Рэм... – постепенно ее глаза оживились, и в них пропало гнетущее напряжение. – Как-то ты мне рассказывал про Берлин. Было захватывающе интересно.

– Ну, тогда, слушай:

...На небольшом Заячьем острове 27 мая 1703 года наш первый и самый неугомонный император Петр, гонимый вперед своей страстной мечтой о прямом выходе к морю, заложил посреди болот в устье Невы небольшую «фортецию», получившую свое название Санк-Питер-Бурх. Постепенно вокруг этой крепости и возник город, ставший впоследствии столицей российского государства...

Милая соседка, сильно увлеченная его обстоятельным рассказом, похоже, не заметила, что самолет, выпустив шасси, заходил на посадку.

Аэропорт Пулково. Веселый таксист лихо, с ветерком, домчал их до площади Декабристов, бывшей когда-то Сенатской. И вот увлекательная экскурсия по историческим местам продолжилась.

И вот Марина своими глазами смогла наглядно, на месте, увидеть то, о чем ее спутник живописно обрисовывал во время полета.

Рэму оставалось лишь улыбнуться, когда после захода в один из торговых центров у него на руках появилась сумка довольно приличных габаритов. И к вечеру безразмерная тара оказалась набитой до отказа.

И к этому он был готов. Ее привычки он неплохо знал. Да и почему бы, раз уж они в Питере, не совместить приятное с полезным?

С облегчением вздохнул он, опускаясь на пластиковое сиденье в зале ожидания на Московском вокзале.

– Рэмка, ты голоден? – с лукавой улыбкой спросила она.

– Как черт! – ответил он, делая безразсудно веселые глаза.

Знал мужчина, куда клонит его спутница. Тут же, незамедлительно, от нее проследовало интригующее приглашение:

– Тогда, двинули в ресторан?

– В ресторан, – кивнул он. – Если есть в наличии свободные места.

– Ничего, мы подождем... – Рина озорно стрельнула глазками.

Довольная улыбка последние часы не сходила с ее лица.

– И подождем, – он моргнул ей одними ресницами.

Фирменный скорый поезд готовился к отправлению в дальний путь. Объявили посадку, и они поспешили занять свои места.

– Двухместное? – присвистнул он от удивления, едва успев открыть дверь второго купе.

– Как видишь, – она скромно потупилась.

– Вижу, – вздохнул он. – Видно, и сегодня, Рина, мне от тебя никуда не деться. Ты нарочно, девочка, взяла дорожные места, чтобы никто не смог нарушить нашего с тобой уединения. Представила себе, Рина, что нам могут помешать досадливо докучливые соседи...

Резко развернувшись, Марина натолкнулась на его насмешливые глаза и в упор спросила-усмехнулась:

– А ты прям так хочешь? Чтоб нам помешали...

– Да нет, не особо. Это же здорово... ехать вдвоем. И нам с тобой, может, хватило бы и одной полки. Всего одной, но широкой...

Не удержавшись от озорного соблазна, он зазорно подмигнул, вводя ее в краску своим бесцеремонно пристальным взглядом.

– Жалко только, что нельзя брать один билет на двоих.

– Тебе жалко денег?

– Нет, конечно же, – мужчина пожал плечами. – В нашем мире за все удовольствия в жизни надо платить. Много платить или мало, рано или поздно... – философски добавил он.

– Рэмка, может, ты хочешь глянуть, как будут смотреться на мне мои обновки? Что скажешь? – обдало его волнительным жаром.

Расположившись возле самого зеркала, одна жутко обольстительная кокетка лукаво предлагала ему веселую и увлекательную игру.

– О! – Рэм сверкнул глазами, – Хорошая идея. И помнится мне, что такое со мной когда-то уже бывало. Вот только не могу вспомнить, чем оно все тогда закончилось? – он сокрушенно повел плечами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.